

Кевад

ХОЛОДНЫЕ ЧУВСТВА
(Вампирский роман в 3-х частях)

Кевад Кевад

**Холодные чувства.
Вампирский роман**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Кевад К.

Холодные чувства. Вампирский роман / К. Кевад — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Кризис среднего возраста подтолкнул героиню к переменам в жизни, одной из которых стал переезд из мегаполиса в деревню. Здесь её ждёт новая жизнь и новые знакомые, которые неожиданно оказываются вампирами. Что это — слепая случайность или роковой поворот судьбы? Марьяне предстоит найти ответ на этот и многие другие вопросы, выяснить, легко ли ладить со сверхъестественными существами и разобраться в своих чувствах к одному из них. Сможет ли она принять единственно верное решение и сделать роковой выбор?

© Кевад К., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Часть 1. Холодный расчёт

Глава 1. Это дождливое лето

– Спасибо, вы мне очень помогли, – поблагодарила я немолодую угрюмую сотрудницу Мультифункционального центра оформления документов, и отошла к окну с заветной справкой. Теперь можно было вздохнуть спокойно: регистрацию я недавно получила, а документы на дом скоро будут оформлены. За широким окном Центра моросил дождик: старый покорёженный временем асфальт тротуара блестел, листья деревьев вдоль дороги трепетали под редкими каплями. Можно было возвращаться домой.

Это лето выдалось дождливым. Не то, чтобы дожди заливали область с утра и до вечера, но случалось так, что как зарядит дождик с полудня, да с прохладным западным ветерком (спасибо, что не с северным), так и будет идти до следующего утра, а то и дня три подряд. Уже на вторые сутки такой погоды нападает неизбежное уныние из-за мокрой одежды и грязной обуви, а её в сельской местности замучаешься мыть каждый раз перед выходом. Ибо, да, я жила этим летом в сельской местности и не собиралась возвращаться в мегаполис по окончании отпуска, потому что, во-первых, у этого отпуска не было принудительного календарного конца, а во-вторых, потому что, далеко — перейдя роковой для многих рубеж «за тридцать», я решила поменять и среду своего обитания. Перебраться из городских джунглей на сельские просторы.

Местность здесь лесостепная, и ближайшие джунгли — реликтовый лес — были всего в пяти километрах от моего дома: двухметровая крапива, поваленные дубовые деревья, частокол зарослей орешника и еще невесть чего. Короче, дебри на любителя или энтузиаста-грибника. Ни к тем, ни к другим я не отношусь, посему последний раз была в лесу лет десять назад. Или около того. Само село раскинулось по огромным буграм среднерусской возвышенности, протянувшись между лесом и двумя речками, воды которых потом далеко отсюда волеются в могучий Дон.

Я привыкла проводить здесь большую часть своих школьных каникул, да и во взрослом возрасте регулярно сюда навещалась. А теперь перебралась в дом предков с полным намерением никуда дальше не двигаться и враси в родную землю по самые уши. Странное желание для всех окружающих. Дауншифтинг с отечественным вектором. Люди типа меня, живущие невысоко оплачиваемым наемным трудом, всегда боятся потерять привычную стабильность. Работа — самое сильное воплощение этой стабильности. Перебравшись на новое место, я должна была бы подумать прежде всего об этом — где и как устроиться на работу. Я так и собиралась сделать. Этому, а также некоторым другим вопросам, связанным с пропиской, были посвящены мои частые выезды в районный центр — город в двадцати километрах от нашего местечка БОН ТЕМПС. Популярность телесериала «Настоящая кровь»¹ не очень высока среди местных, поэтому они бы удивились, узнав, как я окрестила наше село. Но я и, правда, не представляю, как еще можно иносказательно его назвать, чтобы передать ту неуловимую атмосферу самодовольства и претензии, которые связаны с его настоящим названием. «Бон Темпс» подходит тут лучше всего. Теперь возникает вопрос, как называть наш районный центр — старинный город с непростой историей, чтобы не свести на нет усилия по переименованию основного места действия? Ну, раз уж его частенько называли в областной прессе «Жемчужиной Черноземья» (чуть было не написала «Средиземья»), то думаю остановиться на названии «Ла Перла». Звучно и красиво, совсем так, как здесь любят, особенно если судить по названиям местных ЧП (частных предприятий, конечно!).

Странное дело, но в Ла Перле я, прожившая всю свою жизнь в немаленьких городах и даже мегаполисах, умудрялась чувствовать себя одновременно и приезжей из того самого мегаполиса, и деревенской. Но совершенно определенно, Ла Перлу я воспринимала как незнакомый мне город, плохо в нем ориентировалась и чувствовала себя не в своей тарелке. Полдня

пробежки по магазинам или официальным конторам — и меня уже тянуло обратно на автостанцию, чтобы скорее уехать в Бон Темпс. Такая торопливость была совершенно обоснована — рейсовые автобусы, проходящие через Бон Темпс, прекращали ходить уже в 17 часов. Позднее этого времени добираться следовало на попутках, риск езды на которых сложно преувеличить. Что за шофер окажется в остановившейся машине, можно было только гадать, полагаясь на судьбу. Ставки возрастали с приближением вечернего времени. Безусловно, разумнее ездить на своей машине, работая в городе и живя в деревне. Справедливости ради надо сказать, что у очень многих деревенских есть машины. У многих моих родственников они есть. Но не у меня. У меня её никогда и не было, потому что я страдала полным дорожным кретинизмом и, скорее всего, смогла бы самостоятельно проехать на машине только один раз. Вот почему я всегда была прочно привязана к графику движения рейсовых автобусов. И к местной рулетке «Подвези меня». Сегодня из-за сложностей взаимопонимания с работниками Мультифункционального центра, я потеряла изрядное количество времени с документами, поэтому, посетив еще пару дежурных мест, прибыла на автостанцию уже много после отбытия рейсового автобуса.

Ну, что делать, придется идти голосовать. Я посмотрела через дорогу на автобусную остановку в нужном направлении и с неудовольствием отметила про себя, что она пуста, а значит, попутчиков у меня не наблюдается. Подавив вздох, я переползла надземный переход, изогнувшийся над шоссе рядом с перекрестком, и спустилась по ступеням прямо к остановке. В этот момент как будто для того, чтобы сделать мое положение близким к критическому, дождь усилился. Я достала из пакета зонт и раскрыла его, прилаживая к руке, в которой держала пакет с ботами. В них я приехала утром в город, но тогда же и сняла, потому что дождь сделал перерыв. Второй рукой я собиралась голосовать, сделав шаг от остановки по обочине, чтобы меня было хорошо видно. Следовало останавливать машины с местными номерами, так как транзитные явно не желали заниматься извозом в малознакомых для них местах. Как, в общем-то, и местным не особенно хотелось связываться с «чужедальними» персонажами, от которых, как известно, всякого можно ждать, и не только доброго. Местные же должны были в это время возвращаться с работы и могли выступить в роли «доброго водителя». Существовали и профессиональные «подвозилы», которые занимались извозом от случая к случаю, их было человек пять, но работали они в основном в первой половине дня, и вечером обнаружить их не представлялось возможным.

Так, оценивая вероятные “за” и “против”, я вглядывалась в приближающиеся машины и периодически скидывала руку, демонстрируя своё желание переместиться из этого места. Из-за дождя ли или из-за чего другого сегодня мне не везло. То есть уже четверть часа я безрезультатно стояла на дороге.

— Ну что, не везут? — услышала вдруг я сбоку хриловатый голос.

Быстро скосив глаза и переместив зонт так, чтобы открыть обзор, я увидела дядьку лет пятидесяти цыганской наружности с баулом в руках. Из тех, видать, кого свои ноги кормят. Личного авто и шофера у него поблизости так же не наблюдалось. Я неопределенно переступила с ноги на ногу, тем самым пытаясь ограничить наше общение и попутно прикидывая, насколько такой попутчик выгоднее полного его отсутствия.

— Ну, что, — продолжал дядька, — Помаши сильнее, да зонт закрой, не видно, кого подвозить-то!

Ага, а в мокрой одежде очередь выстроится из желающих подвести! Продолжаю молчать.

И тут он тоже подключается к автостоппингу и начинает яростно трясти рукой. Дождь в этот момент припускает. Я чертыхаюсь, балансируя зонтом и глядя на приплясывающего мужичка; свет приближающихся фар внезапно делает дугу и замедляет движение. Теперь я вижу, что какой-то автомобиль останавливается, и мужичок заглядывает в переднюю дверцу и практически тут же забирается туда, на секунду задерживаясь и оборачиваясь ко мне:

— Ну, что стоишь-то, едешь что ли?

Я бросаюсь к машине, быстро закрываю зонт и забираюсь на заднее сидение.

— Мне до Бон Темпс, — бормочу я, пытаюсь не очень заметно стряхнуть с себя воду.

В машине было на удивление тихо — вездесущее авторadio было отключено. Мужичок на переднем сидении вполголоса поминал подходящую погоду, шум дождя сопровождался шорохом шин.

— Как вам угодно, — прозвучал ровный голос.

Я взглянула на водителя, полупрофиль которого скрывал сгущающийся сумрак. Черные волосы и непривычная для этого времени года бледность. «Не местный», — отметила про себя я — на номера машины я не успела взглянуть.

Глазеть на водителя дальше не имело никакого смысла, да и просто было бы неприличным, поэтому я переключила свое внимание на мокрую муть за окном. Так мы неслись некоторое время в полном молчании. Несколько встречных машин озаряли фарами салон, в котором мы вынужденно коротали совместную поездку. Внезапно за очередным поворотом, уходящим с горки влево, навстречу нам выскочила машина, ослепляя светом фар. Завизжали тормоза, нашу машину принялось крутить, послышался крик мужика, от страха и отчаяния у меня помутнело в глазах. «Вот ОНО!» — пронеслось в голове, и следом я ощутила удар, и тут меня выбросило вправо куда-то в мокрую темноту, и все исчезло окончательно...

«Нет, это не может быть правдой», — в отчаянии думала я, лежа в мокрой траве неподалеку от кустов. Меня выбросило из машины, и я чудом не влетела в кусты, проехавшись метров пять по мокрой траве. Теперь я лежала в грязи, а сверху меня поливало дождем. Правая сторона, принявшая на себя основной удар при падении, неприятно гудела. Я лежала плашмя, что-то подо мной, кажется, сумочка, неудобно давила мне на грудь, но сползти с нее мне не хватало мужества. Сначала я просто боялась пошевелиться. Чтобы осмотреть себя и свои повреждения, надо было встать, на что у меня пока не было сил. Я только приподняла голову и разглядела лежащую на боку машину, потом увидела и силуэт мужчины. Это был водитель. Он стоял вполне ровно, дождь лил на него, но он не отряхивался, и вообще никак не обращал на него внимания. Не издавал он и никаких звуков. Ни криков, ни вздохов, ни охов, — находился в шоке? Причины нашей аварии поблизости не наблюдалось. Неужели уехали? Теперь, когда один из нас был очевидно цел, я могла бы, по всей видимости, ожидать от него помощи. Но от желания застонать меня удерживал какой-то непонятный страх. И где же второй попутчик?

Водитель между тем принялся оглядываться вокруг, оценивая последствия, наверное, или может быть, высматривая своих неудачливых пассажиров. Я все ещё медлила с громким заявлением о своем присутствии. Водитель подошел к машине всё так же молча, уперся там во что-то руками, как мне показалось с моего невольного пункта наблюдения, и вдруг перевернул её, как какое-нибудь корыто! Пару раз стукнул куда-то кулаком — послышался характерный металлический звук. Пораженная, я припала к земле, теперь мне уже никак не хотелось, чтобы он про меня вспомнил. И я молилась всем богам, чтобы он убрался поскорей отсюда, а я смогла поползти до шоссе (может быть, я была в состоянии ползти) и там бы меня кто-нибудь нормальный подобрал. И нашел моего попутчика; я не зверь, — судьба мужика меня тоже не оставляла равнодушной. Теперь я уже почти пришла в себя, и от бесконечно падающей сверху воды становилось ужасно холодно. А от невероятного зрелища — ещё и страшно. Я затаилась в своей траве и даже старалась не глядеть в сторону машины. Послышалось чихание мотора — машина, похоже, завелась в руках этого сверх-водителя. Я уже почти поздравила себя с избавлением от непонятной угрозы, как вдруг мотор заглох, и сквозь шорох дождя я услышала звук приближающихся шагов.

Глава 2. Конкретный мужчина

Я слушала звук приближающихся шагов и холодела от непреодолимого ужаса. Ни одной проезжающей машины за всё это время! Куда они провалились?! Они бы увидели нас! Они бы остановились или хотя бы могли потом рассказать, что видели нас!

Сейчас этот человек казался мне страшнее того, что только что произошло. В полуобморочном состоянии я затаила дыхание, не подавая никаких признаков жизни. Минута, другая. Он остановился прямо надо мной. Вода стекала по моему лицу, сжатые в судороге руки вцепились в землю... Послышалось движение — он склоняется надо мной и берет меня на руки, отлепляя от грязной травы. Увы, но тут уже я не смогла не застонать от ноющей боли в правых руке и бедре, проклиная себя за несдержанность. Сейчас в его руках я почувствовала себя абсолютно беспомощной. Что это за человек? Или монстр? Я не слышу его дыхания, его руки не теплее моих, окоченевших в мокрой траве. Он относит меня в машину, располагая на заднем сидении, захлопывает дверь, обходит машину и садится за руль. Тут уже я не выдержала, видимо, сыграла гуманистическая солидарность, и я прохрипела:

— А тот, мужчина... что с ним?..

Водитель молчит и заводит мотор. Я боюсь настаивать на своих вопросах. Тут и со мной ничего не ясно. Почему он молчит? Почему он не разговаривает со мной, не будут ли мои вопросы поводом для раскрытия чего-то такого, что мне, как я интуитивно чувствую, вовсе не хочется знать?!

Машина трогается с места и, немного раскачиваясь из стороны в сторону, начинает свое движение, постепенно набирая скорость. И вот мы уже опять мчимся, уже вдвоем в абсолютной тишине, я постепенно согреваюсь в салоне, хотя от мокрой и грязной одежды ужасно неуютно. Я сажусь на сидении позади водительского и, стараясь заставить себя глядеть в переднее зеркало, обреченно говорю в пустоту:

— Я выхожу в Бон Темпс! Остановите в Бон Темпс!

— Ты не можешь так выйти — ты вся мокрая. Я отвезу тебя до дома, — говорит он.

Всё таким же, представьте, ровным голосом, не поминая ни полет в кювет, ни мужичка, потерянного где-то по пути! И этот тип хочет отвезти меня до дома! Сейчас! Показать ему, где я живу! Он смотрит на меня в зеркало и встречается взглядом — мне хочется закрыть глаза, но я завороченно смотрю на его отражение, глаза в глаза. Не знаю, какие они, я не хочу в них смотреть!

— НЕТ! Не надо, здесь совсем рядом! Я дойду..., — я стараюсь говорить твердым голосом, а у самой, представьте, как поджилки трясутся!

Хотя забрезжил какой-то лучик надежды на счастливый исход — то есть что я сейчас выберусь из этой чёртовой машины и, наплевать, как, но докостыляю мокрая и разбитая до дома! Сейчас мне уже не хотелось никого посвящать в произошедшее. И это намерение всё больше казалось мне верным.

— Как угодно, — говорит он.

И мы въезжаем в Бон Темпс, где за мостом через речку виднеется знак остановки.

— Ты уверена, что тебя высадить здесь?

— Да, да, спасибо, — не могу поверить своему счастью.

Машина тормозит, я отрываю дверь, не дожидаясь остановки, и меня чуть снова не выбрасывает в сторону. Выскакиваю, с силой захлопывая за собой дверь и стараясь сразу очутиться подальше от машины.

— До встречи, — успевает бросить мне он, заставив засомневаться в действительном избавлении от происходящего кошмара.

Я спотыкаюсь и оборачиваюсь, машина трогается с места, и я смотрю вслед удаляющимся огонькам, потом делаю два неуверенных шага, осматриваю себя на предмет повреждений и обнаруживаю, что сумочка все так же со мной, только переместилась на своем длинном ремешке куда-то в район груди, зонт засунут в карман плаща, ну, а пакета с ботами, конечно же,

нет. Дождь продолжается, и это мне на руку, потому что все сидят по домам, и никто не видит мою скорбную фигуру, бредущую в сумерках по воде и грязи, а то бы вопросов не избежать.

Через полчаса отвратительной прогулки я добралась до дома и там поспешно сняла с себя насквозь промокшую одежду, часть которой была еще и в грязи и вырванной траве. Переодевшись и согревшись, я попыталась проанализировать случившееся, но слишком многое явно не имело рациональных объяснений, более того, вызывало панику. Заварив травяной чай с мёдом, я попыталась успокоиться и оставить размышления на потом. В конце концов, вероятность повторной встречи с этим типом на машине была не очень велика, вероятность обнаружения моего присутствия на месте аварии # и того меньше. Мне надо бы раздобыть свои боты, которые могли там валяться, и которые, чисто теоретически, могли стать свидетельством моего присутствия. Разыскивать попутчика было страшновато: вдруг придется столкнуться с этим непонятным водителем-монстром? Ну, если я отправлюсь за ботами, то там много чего обнаружится, и в том числе следы попутчика. Звонок с мобильного телефона в службу спасения? Мне было страшно. Я чувствовала, что надо обязательно избежать возможной повторной встречи с водителем этой злосчастной машины. И тут я вспомнила, что абсолютно не помню, как выглядит эта машина! Я же садилась в нее впопыхах в сумерках и в дождь! И как же тогда я буду избегать встречи с ней?! — я даже застонала от отчаяния. Спокойствие, которое я ценила последнее время больше всего, летело ко всем чертям.

На следующее утро я разлепила глаза и увидела солнце — дождь кончился! Разумным решением было бы вернуться на место вчерашней аварии и увидеть всё в деталях. Мои повреждения оказались незначительными — синяки и ссадины на плече и бедре. Посторонний наблюдатель не заметил бы во мне ничего подозрительного, если бы я всё ещё не держала себя напряженно и слегка кособоко. Можно было бы и не показываться никому на глаза хотя бы один этот день, но неизвестная судьба моего вчерашнего попутчика не давала покоя. Мне нужно было вернуться на место аварии и как можно скорее. Поэтому я позвонила своему троюродному (да, да, здесь у меня была целая куча родственников разной степени близости, большинство из которых были в этой третьей степени) брату Фёдору с просьбой отвезти меня срочно в Ла Перлу. Предварительно я прозондировала почву на предмет его занятости сегодня. Брат мой Фёдор был на несколько лет меня младше и до сих пор не был связан брачными узами, что сообщало ему некоторую свободу, которой были напрочь лишены мои другие семейные родственники мужского пола. Он на удивление быстро согласился прокатиться до города, что объяснялось, в том числе, его личной заинтересованностью.

— Хорошо, сестричка, — сказал он, — Но мы заскочим на Строительный двор, мне там нужно кое-чего посмотреть.

— Конечно! — обрадовалась я тому, как пока складно всё идет по плану, — Через сколько заедешь?

— Полчаса тебе и мне на сборы! — бодро ответил Фёдор и отключился.

Я быстро оделась и взяла большую торбу из мешковины, чтобы положить туда боты, которые надеялась обнаружить на месте вчерашних событий.

Через полчаса мы уже мчались в направлении Ла Перлы, Фёдор весело рассказывал про проделки своих младших сестер, а я высматривала интересующее меня место, имея весьма смутные представления о том, на каком расстоянии от Бон Темпс это всё произошло. Вчера все мои ощущения были настолько необычны, что мне казалось, будто мы ехали от места аварии до Бон Темпс целую вечность. Я только помнила, что это должно было быть перед одним из поворотов, а их не так много на этой трассе, хотя и не один.

Я чуть не просмотрела это место. Мне пришлось прервать его болтовню, резко бросив:

— Останови здесь!

Он сначала не понял, но когда я начала быстро повторять, слабо владея собой: — Останови, останови, пожалуйста! — пытаюсь справиться с нахлынувшими переживаниями, сбавил скорость и затем остановился, съехав на обочину.

— Что случилось, Марьяна? Тебе плохо?

— Нет! Смотри! ТАМ что-то случилось..., — я показала рукой на левую сторону дороги.

Там на обочину выходил глубокий след от колес, грунт был взрыт на большой площади круговыми бороздами, где машина какое-то время шла юзом.

— Ну и что? Там же никого нет! Вчера, видимо, машина вылетела с дороги. Зачем тебе это? — недоумевал он.

— Пойдем, посмотрим! — я выскочила из машины и, не давая удивленному Фёдору высказать возражения, резво перебежала через дорогу. Он был вынужден выйти вслед за мной. Пока он с недовольным видом закрывал машину и собирался перейти дорогу, я уже добежала до интересующего меня места. Действительно, я увидела и следы своего «вылета» из машины — примятую дорожку, оставленную моим падением, где я лежала, проклиная себя за то, что села в эту машину. Потом я переключилась на поиски следов попутчика. Похожий след на траве виднелся в метрах трех от моего. Та же примятость в конце траектории. Я подошла поближе: что-то похожее на размытую кровь... От этого места отчётливо просматривались следы волочения тела вплоть до дороги. Во всяком случае, было очевидно, что он своим ходом отсюда не уходил, и его не уносили, а попросту волокли по земле. Это открытие меня больше расстраивало, чем успокаивало. Хотя, может быть тот, кто его обнаружил, был в одиночестве и не мог тащить его на руках. Фёдор тем временем уже присоединился к моим изысканиям и вопросительно смотрел на меня:

— Что ты здесь ищешь?

— Здесь кое-что произошло, — нехотя призналась я.

Может, Фёдор не будет болтать об этом со своими друзьями? Пострадавших нет и, следовательно, нет никакого интереса к этому происшествию.

— Ты была здесь вчера?!

— Ну, да, только не говори никому.

— С кем ты ехала?! Это кто-то из наших? — с понятной тревогой продолжал допытываться Фёдор.

— Нет, успокойся! Это был какой-то не местный. И с ним ничего не произошло! Представь себе, и со мной тоже! Я здесь потеряла боты!

Я принялась озираться вокруг, пытаюсь охватить взглядом как можно более обширную территорию. И тут в подтверждении своих слов я увидела злосчастный пакет в ближайших от моего падения кустах. — Вот они!

Я извлекла из кустов разорванный пакет с невредимыми ботами и воззрилась на Фёдора:

— Всё, теперь мы можем ехать на Строительный двор!

— Ты была одна в машине? Когда это было? — не унимался мой заботливый братец.

— Это было вечером, и я была одна, — я уже начала сожалеть, что посвятила его в эту историю.

— Ты садишься одна в попутку вечером?! — Фёдор, как и многие, не одобрял этой вынужденной практики.

— Да, я это сделала! Очень сожалею, что мы кувырнулись в кювет, но ты же сам видишь, что не такой уж он плохой водитель, раз мы оба живы, — про исчезнувшего попутчика я предпочла не упоминать.

— Я удивляюсь вам, женщинам! — не унимался Фёдор: — Он мог быть кем угодно! Помнишь про случай в прошлом году с девчонкой, которая возвращалась после вечерней смены?!

О, да, я помнила эту историю, ледящую душу! Но выслушивать бесполезные теперь наставления я тоже не хотела. И, да, он на самом деле оказался кем угодно! Непонятным монстром, встречи с которым я теперь боялась больше всего!

Глава 3. Мы с вами где-то встречались?

Я покинула место происшествия в смешанных чувствах, ведущим из которых было уныние. Я не узнала доподлинно, что случилось с моим попутчиком, хотя, по правде, это из-за него я и села в ту машину. Но также из-за дождя и досады на ситуацию, — и это тоже правда. Другими чувствами, охватившими меня с новой силой после исследования места аварии, были смутная тревога и какой-то необъяснимый ужас, который накатывал всякий раз, когда я вспоминала угрюмый (как мне теперь казалось) профиль водителя.

Мы расстались с Фёдором на не самой дружеской ноте. Я заставила его пообещать не трепаться о том, что со мной случилось. Хотя и понимала, что надежды на это у меня не так уж и много.

В любом случае, повлиять на события в нужную мне сторону я уже не могла, оставалось правильно к ним подготовиться.

Во второй половине дня опять прошел короткий дождь. После дождя во дворе стояла духота, но в саду оказалось свежо и по-прежнему тепло. Белёсое предвечернее небо светлым куполом накрывало землю, а само солнце уже скрылось за высокими деревьями, окаймляющими сад и окружающими его почти непроходимыми зарослями. Тепло вечера позволяло наслаждаться свежим запахом трав и листвы. Отчетливый аромат малины во влажном тягучем воздухе будил сладостные ожидания. Было уже достаточно сухо для того, чтобы пройтись по тропинке в сланцах, не намочив серьезно ноги — дождь был короткий, хотя и сильный, и за пару часов влага успела испариться.

Внезапно что-то привлекло мое внимание в глубине сада, и я прошла с десятков метров по тропинке, глядя в дальний левый угол, окаймленный зарослями американского клёна и черемухи. Вот странность, там, в слабом сумраке зарослей виднелась чья-то фигура. «О, чёрт», — я отчего-то только слегка взволновалась, хотя теперь неожиданные вечерние посетители должны были бы меня серьезно напугать. Но я почувствовала лишь слабое томительное чувство неуверенного ожидания. Да, несомненно, это фигура мужчины. Он стоял спиной ко мне, высокий, статный, в одежде зеленоватых тонов, со светлыми длинными волосами. Вот он полуобернулся ко мне, и я увидела его профиль горделиво-надменный, и брошенный мельком взгляд. Я замерла, ожидая дальнейшего разворота незнакомца в мою сторону. Было так, словно повстречались охотник и дичь; и когда он замер, и переместил взгляд дальше, я поняла, что охотник — это я, я увидела его, но сейчас он уйдет, растворится, оставив в качестве трофея лишь странное воспоминание. Вдруг он пошевелился, повернулся и мгновенно скрылся в зарослях. На какое-то время я застыла на тропинке, боясь двинуться дальше или повернуться и уйти. Это оцепенение сопровождалось звоном в ушах. Птицы все также радостно щебетали. Да, можно было бы подумать, что это была галлюцинация...

Последующие три дня прошли относительно спокойно. Никто из родственников, кого в какой-то мере могла интересовать моя судьба, не звонил и не появлялся с расспросами о неудачной поездке. Из чего я заключила, что мой братец не стал распространяться об этом происшествии или, что было бы лучше всего, забыл. Я занималась домашними делами также в надежде забыть этот случай. Иногда мне казалось, что это почти удалось, и всякий раз я тут же вспоминала своё оцепенение в мокрой траве и судорожное ожидание неизбежного в тёмном салоне машины. Эти воспоминания были неприятны. Из-за них или из-за повышенной нервозности по вечерам на меня накатывало какое-то беспокойство. В такие моменты я

начинала прислушиваться к окружающим звукам, которые только усиливали мою тревогу. Я замечала, как машины останавливаются на нашей улице, и как часто начинает вечером скулить и подвывать соседская собака, тоскливо и испуганно, словно подрывая веру в свою охранную функцию.

Трудно сказать, почему возникало это беспокойство. Никаких разумных причин для этого не было. Происшествие без последствий — значит, и никакого продолжения быть не должно. Но одно маленькое допущение, что последствия могли быть, и мне они не известны, запускало моё беспокойство, которое быстро перерастало в тревогу, отравлявшую моё размеренное существование.

Когда на третий вечер зашелестел по листьям дождь, я поняла, что моя тревога вот-вот сменится паническим страхом. Для этого, вот уж точно, причин не было. Но разве может разум обуздать разгулявшиеся нервишки?! Я чувствовала, что от малейшего неожиданного шороха я могу позорно бежать сломя голову в дом и закрыться там на все засовы.

Честно признавшись себе, что я достигла границы невроза и пора браться за себя по-серьезному, пока не пришлось браться другим, я пересмотрела свою тактику. Уединение было сейчас категорически противопоказано, поэтому надо было заменить его какой-никакой активностью. В лес пойти за грибами — это слишком радикально. Такой способ провоцировать свои явные и скрытые страхи по плечу только крайне психически устойчивой натуре, у которой и страхов-то таких возникнуть не может. В моем случае годится сходить в один из местных магазинов — уже развлечение.

Приняв такое решение, я быстро собралась, одев не так часто извлекаемые этим летом из гардероба легкое платье и балетки, и бодро зашагала к «Лукошку» — одному из главных (а других здесь и нет) продуктовых магазинов Бон Темпс, расположенному рядом с пересекающим село шоссе.

Солнце светит, птички поют, небольшие тучки дают надежду на то, что дождик не прольется, — все условия для бодрого расположения духа. Поход в магазин — это весьма достойный повод совершить прогулку по местным понятиям. В деревне не принято бездельно шататься по окрестностям и созерцать природу, во всяком случае, это не поведение взрослых людей. Это подспудно осуждается: взрослый человек всегда должен быть чем-то занят, он либо трудится по дому, либо зарабатывает деньги, а ни первое, ни второе не связаны с праздным шатанием. Если же ты еще и женского пола и тебе больше пятнадцати лет, то твои прогулки в одиночестве получают вполне однозначное объяснение. Не ясно, почему в сознании местных возникла эта упрощенная схема, но нельзя было её совсем не принимать во внимание, если ты не хотела получить звание хитрой городской шлюхи. Твои запоздалые объяснения, что это ты гербарий собирала, или лечебные травы только добавят идиотизма или демонизма твоему портрету, который будет закреплён в массовом сознании на долгие годы. Да, надо быть изрядным конформистом, чтобы органично вписаться в деревенскую жизнь!

В «Лукошке» кроме меня было еще человека три покупателей. И столько же персонала. Этим отличаются сельские магазины — наблюдать очередь случается здесь не чаще двух раз в месяц, когда идея придти в магазин в одно и то же время посещает сразу человек десять, и все они одновременно подъезжают на своих машинах к магазину. Покупателей, передвигающихся на своих двоих здесь в несколько раз меньше тех, кто прикатил сюда на автомобиле.

Привычные действия в стандартной обстановке работали успокаивающе. Взяв хлеба и молока, я встала в кассу, попутно обдумывая, не удлинить ли мне свою прогулку и не зайти ли к родственнице, которая жила неподалёку от шоссе. Идея показалась мне дельной, я положила покупки в сумку и вышла на улицу, поглядывая на небо. Мне так показалось ещё за стеклянной дверью магазина, что оно из голубого вдруг стало невыразительно серым. Предчувствие меня не обмануло — на улице опять шелестел дождь, мелкие капли упали на волосы и я, вздохнув, стала доставать предусмотрительно взятый зонтик.

— Не думаю, что дождь будет сильным, — совсем рядом раздался голос, — Ну, теперь я в любом случае Вас подвезу до дома.

Я резко обернулась, от неожиданности испуг пришел не сразу, а чуть позже, когда я встретила со знакомыми глубоко посаженными глазами. Это был он — непонятный и оттого пугающий человек, в машине которого я несколько дней назад пережила не самые лучшие минуты в своей жизни. Однако я не собиралась сдаваться так вот запросто.

— Мы с вами знакомы? — спросила я, постаравшись, чтобы мой голос звучал так же ровно и холодно, как и голос моего знакомого незнакомца.

— Пока нет, — усмехнулся он, — Но мы обязательно познакомимся.

В такой ситуации, как я понимаю, есть два выхода: первый, — быстро и недвусмысленно продемонстрировать, что человек зарвался и надо его осадить, ну а если он не проникнется этой идеей, тогда придется идти на обострение, может быть даже кричать и ругаться, привлекая к себе внимание окружающих. Второй — продолжать гнуть свою линию: типа, я тут не причем, не знаю, о чём вы, и чего вам надо. Интуитивно я чувствовала, что поставить его на место у меня не хватит ресурса, да и привлечь к себе внимание было затруднительно — из-за дождя улица была удручающе пуста. Только этот тип с машиной, которую я теперь заметила припаркованной за автобусной остановкой.

— Я вас не знаю, и, простите, меня не надо никуда подвозить, — «гнула» я своё, — Сейчас меня встретит муж...

— Неужели? — усомнился мужчина, — Думаю, что Вас никто не встретит. Кроме меня.

Он окончательно преградил мне дорогу, и теперь я могла рассмотреть всю его пугающую внешность: бледная кожа, впалые щеки, тёмные, почти чёрные волосы и такие же тёмные глубоко посаженные глаза. «Может, наркоман», — мелькнула в голове опасливая мысль, — «Ну, а я-то тут причём?» «А вдруг он убирает свидетеля!?» — промелькнуло следом. Вот, наверное, что подспудно лежало за моим страхом, причину которого я до сего момента не могла четко сформулировать. Я перевела дыхание. Нельзя показать ему, что я догадалась о его намерениях, тогда он просто утащит меня в машину, и я не успею даже позвать на помощь. Я ломанулась обратно к двери магазина.

— Не стоит меня так бояться. Я хочу познакомиться с тобой, — внезапно перешёл он на «ты», был всё такой же бесстрастный. — Ты могла всё не правильно понять.

— Я действительно не понимаю, почему Вы думаете, что мы с вами встречались, — продолжаю держаться избранной тактики. — Я Вас первый раз вижу.

— При свете белого дня — да, — говорит он.

И тут я вижу, что мы уже почему-то находимся на изрядном расстоянии от двери магазина, хотя я никуда не перемещалась. А машина его, напротив, оказалась совсем рядом. Дождь продолжает идти. Какой-то безысходностью веет от деревьев, подернутых пеленой дождя, и от дороги, на которой проезжающие на большой скорости машины оставляют влажные следы.

— Вы увезёте меня? — с ужасом спрашиваю я и чувствую, что оседаю на мокрый асфальт, потому что ноги мои подкашиваются от накатившего вновь непреодолимого страха.

— Нет, нет! — в его голосе вдруг прорезывается какая-то эмоция, и я успеваю заметить, что это не торжество и не радость. — Всё будет хорошо!

Он подхватывает мое оседающее тело и подводит, вернее, подтаскивает к машине, распахивает дверь, и я валюсь на знакомое заднее сидение. Он садится за руль, даже не глядя в зеркало на меня, чтобы узнать, как я там: лежу или нет, заводит машину и выезжает на дорогу. Мы едем совсем немного по Бон Темпс, потом сворачиваем и выезжаем прямо — Ха-Ха! — на кладбище!...

Глава 4. Друзья поневоле

Мы остановились все-таки не на самом кладбище, а чуть-чуть за ним, где на отшибе рядом с примыкающей к кладбищу улицей стояли два дома. Было видно, что в одном из них уже давно никто не живет, и сад вокруг него зарос высоченными крапивой и чернوبельником. Второй дом, насколько всем было известно, постоянно сдавался в наём самой разношерстной публике, которой было все равно, где жить, настолько все равно, что таких жильцов не смущал разбросанный на участке перед домом хлам и покосившиеся окна и двери.

Теперь, как я заметила, в некоторых окнах и вовсе не было стекол. Когда мы подъехали к дому, там послышалось движение, и какая-то фигура промелькнула в проёме выбитого окна. «Криминальный мир», — невесело усмехнулась про себя я: «Вот повезло-то!» Как ни странно, но в этот момент на меня накатило какое-то спокойствие, или безразличие. Меня даже стала раздражать вся ситуация, и вероятность того, что я невольно буду посвящена в какую-то историю, которая мне до лампочки, но из-за которой, похоже, у меня вырисовываются очень крупные неприятности.

— Послушай, — прошипела я с заднего сидения. — Мне это всё не интересно. Я не знаю вас, а вам здесь не должно быть дела до меня. Выпусти меня отсюда! Я уйду и не вспомню никогда о нашей встрече!

— С тобой ничего не случится, — заверил меня похититель. — подожди немного. Я отвезу тебя.

Эти заверения только усилили мое раздражение. Но благоразумно подавив дальнейшие протесты, я опять затихла, теперь уже ровно села, поправила сбившуюся одежду и уставилась в окно. Мой водитель (он же похититель) вышел из машины и направился к дому. Тот, кто был внутри, уже встречал его на пороге. Это был мужчина на вид лет пятидесяти. Такой же мрачный, как дом. Разговор их я не услышала. Показалось, что даже они и не общались вовсе. Второй быстро посмотрел на машину и на секунду встретился взглядом со мной, отчего меня передёрнуло, и я непроизвольно поморщилась, но тут же спохватилась и приняла невозмутимый вид. Я, конечно, не обязана быть дружелюбной в таких обстоятельствах, но лучше остановиться на умеренной враждебности.

Совещание там, у дома, видимо, подошло к концу, потому что тот, второй куда-то исчез, а спутник мой уже подходил обратно к машине. Дождь продолжал идти, но ему, по-видимому, это нисколько не мешало. Он сел на водительское сидение и полуобернулся назад, так и не вытирая намокшие лоб и волосы, по которым стекала вода.

— Теперь ты знаешь, где живу я, — сказал он, взглянув на меня.

— Осталось узнать, кто ты, — отозвалась я. — Где живу я — это никого не касается.

— Я знаю, где ты живешь. Как и то, что ты здесь живешь одна, у тебя здесь нет друзей, и ты почти ни с кем не общаешься. Вот почему я думаю, что наша компания тебе придется по вкусу.

— Ваша — это кого? Мигрантов-нелегалов? Или контрабандистов-похитителей? С чего вы взяли, что я испытываю тягу к криминальным компаниям? — для придания большей уверенности своим словам я слегка пожала плечами.

Мой собеседник развеселился. То ли его обрадовала смена моего настроения, когда я из панического шока перешла в состояние саркастической беззаботности, то ли моя сообразительность насчет криминала пришлась ему по вкусу.

— Я так и думал, — отметил он. — Что ты быстро перестанешь меня бояться.

Он завел машину и начал выезжать от дома на дорогу.

— Я пока не очень понимаю, чего мне всё-таки бояться, кроме принудительного знакомства, — заметила в ответ я.

— Это ты села в мою машину, я тебя насильно не сажал, — возразил он.

— А что, предложение подвезти теперь приравнивается к близкому знакомству? — не удержалась я. Надо было выяснить его намерения как можно более подробно.

— Не знаю, насколько оно будет близким, — протянул с сомнением он. — Но долгим — это обязательно.

От таких ответов и от безапелляционного тона посасывало под ложечкой. Что за чёрт возьми?! Что это за тип такой? Что ему от меня надо?

— Опасаться ничего не надо. Я знаю о тебе теперь достаточно, чтобы понять: ты такой человек, который может быть нам полезен. Тебе ничего не придется специально делать, — остановил он мое возражение. — Вообще ничего не надо делать. Но раз ты видела меня хоть и случайно в определенных обстоятельствах, то тебе и правда повезло, что ты именно такая — не общительная и одинокая. Я смогу быть с тобой в контакте, и ты можешь быть полезна. Если бы это было не так, то..., — он замолчал.

Я молча переваривала его слова: всё-таки мои догадки про лишних свидетелей были близки к истине.

Тем временем мы уже ехали по улице к моему дому. Рядом с домом он, не уточняя, здесь ли я живу, остановился.

— Сейчас не нужно меня приглашать, — заявил он. — Я приду вечером, когда стемнеет, со стороны сада, поэтому, не надо пугаться неожиданных гостей! Меня зовут Борис. До встречи, Марьяна!

Я что-то неразборчиво пробормотала и вылезла из машины. Упоминание о возможных неожиданных визитах мне совсем не понравилось.

— Надеюсь, ты передумаешь! — с чувством сказала я.

— Лучше не стоит! — в тон мне ответил он и, не разворачиваясь, уехал дальше по улице, которая вела в самый конец Бон Темпс.

«Зачем его понесло туда?» — подумала я. А ладно, какая разница, в более глупую и невероятную историю я здесь еще не попадала!

Не нужно и говорить, что следующий день был таким же дождливым. Вспоминая вчерашние события, я невольно возвращалась к тем сведениям обо мне, которые были так оперативно собраны этим Борисом. Кто был его осведомителем? Как держать себя с ним при следующей встрече? В том, что она состоится, я была абсолютно уверена. Я даже не сомневалась, что вечером он появится со стороны сада, как и предупредил накануне. А что? Сам сказал, что явится. Плюс опять шёл дождь, и я уже начала усматривать прямую связь между дождливой погодой и его появлениями. Если для других людей дождь — это почти всегда препятствие или досадное обстоятельство, то для него, видимо, самое то!

Мне хотелось как-то морально подготовиться к встрече, поэтому перед наступлениями сумерек я привела себя в порядок, расчесала волосы и не стала скреплять их заколкой, надела вместо спортивных штанов, подходящих для хозработ, длинные шёлковые штаны и футболку. Подумала, что к вечеру в морозящий дождь будет холодно сидеть во дворе, и надела тонкий черный свитер. В таком виде я переместилась во двор под навес рядом с летним домиком, где стояли небольшой старый диван, длинный стол, скамья и несколько стульев. Чтобы разнообразить свое ожидание я захватила смартфон, и хотя именно в этом месте, во дворе, сеть могла появляться и пропадать, когда ей вздумается. Какое-то время я просматривала почту и отснятые ранее фотографии. Это занятие отвлекало и от бесполезного гадания, что мне сказать, когда он придет, и о чём вообще с ним разговаривать. Спустя три четверти часа мне стало совсем зябко. Я не переношу влажность, да и на холод реагирую отрицательно. Сколько еще было здесь сидеть, дожидаясь визита? Идти домой и ждать стук в окно, от которого душа уйдет в пятки? Я повздыхала, некоторое время сидела, уставившись в дождливый сумрак сада, нехотя призналась самой себе, что разочарована, потом не выдержала и пошла в дом. Отчего-то стало понятно, что сегодня он не появится. Может быть, оттого, что его слишком усердно ждали?

Кому из нас нужно это свидание?! Я улеглась спать, подспудно побаиваясь, что не усну от нервного состояния. Однако, несмотря на волнение, уснула я быстро и спала без всяких снов.

Следующий день прошел в активных садово-огородных делах, поскольку он выдался солнечным и жарким. Нельзя было упускать и появившуюся возможность позагорать, поэтому делами я занималась в отчасти пляжном виде: полдня я проходила в верхе от купальника и шортах, и только к вечеру надела кофту с короткими рукавами, чтобы не обгорели плечи и спина. Еще лет пять назад я бы с удовольствием повалялась на солнце, мечтая о ровном загаре. Но теперь это перестало мне нравиться так сильно, да и неподвижное пребывание на солнце больше сорока минут могло закончиться длительной головной болью. Гораздо удобнее для меня теперь стало поджариваться на солнце в процессе деятельности: на грядках или во дворе. К вечеру я почувствовала, как от работы и солнца нагрелось тело и буквально требовало смыть с себя дневные зной и пот. После душа я подумала, что не лишним будет намазаться любимым маслом для тела с мятой и лаймом, чтобы усилить умиротворяющее воздействие прохладной воды. В этом умиротворении я заварила чай, бросив в заварку пару щепоток мелиссы и, решив, что мне жалко расставаться с таким приятным жарким днем, перемесилась вместе с чаем во двор под навес. Не могу сказать, что я действительно ждала сегодня гостей — ведь было ещё очень светло, да и дождя не наблюдалось, скорее, мне хотелось чего-то необычного, поэтому, наверное, перед выходом во двор я быстро подкрасила губы своей любимой экстремально яркой помадой.

В какой-то мере этот жест говорил мне самой и окружающим, что я теперь всегда наготове и врасплох меня не застать.

Вечер было теплым. Июньское солнце только собиралось садиться, высвечивая окаймляющие огород деревья. Кто-то из соседей также проводил время рядом со своим домом — была слышна музыка. Я умиротворенно наслаждалась природой, рассеянно глядя на выплетающее вечернее небо. И в этот момент он появился, медленно, видимо, чтобы я успела осознать его появление, он вышел из сада и прошел во двор. С неопределенным, но явно не угрюмым выражением лица он подошел к навесу и поздоровался.

— Привет! Хочешь чаю? — спросила я. — Садись сюда, я принесу чашку.

— Спасибо, — поблагодарил он. — Я не пью чай. И всё остальное... Но ты можешь налить, мне будет приятно разделить твоё чаепитие, — он присел на скамью напротив меня.

Я поставила перед ним чашку с чаем, теперь я могла беспрепятственно рассмотреть его, но совсем откровенно разглядывать было неудобно, хотя он продолжал пристально смотреть на меня. Станные темные глаза его, которые я затруднялась определить по цвету, были глубоко посажены. Темные широкие брови нависали над ними и придавали лицу угрюмое выражение; губы тонкие (злой?), прямой нос, короткие темные волосы, белая, не тронутая загаром кожа. Не красавец, но и не урод; что-то притягательное, безусловно, было в нем, в его ровных и плавных движениях. А может, это пресловутая загадочность возбуждала к нему нездоровый интерес. Хотя если он и ведет скрытный образ жизни, отчего и приобрел такую загадочную бледность, держался он с достоинством, которое как-то плохо сочеталось с моими предположениями о его криминальных связях. Уголовники — они другие. Интуитивно чувствую, что это что-то другое. А что “другое”?

— Почему ты живешь одна? — задал он вопрос, приняв чашку.

Попробуй на него ответить! Почему женщина после тридцати лет предпочитает жить одна — на это может быть сотня причин, но для окружающих главным останется одно объяснение: она несчастная неудачница. Уверена, что все мои родственники были на сто процентов убеждены в этом.

Я поморщилась и сделала глоток чая:

- Потому что меня это устраивает. А почему ты здесь бродишь один? Или ты не один?
- Мужчине легко дается одиночество. А тебе здесь будет трудно одной. У людей принято заботиться друг о друге, — уставился он на мои яркие губы.
- К чему такая забота о моей персоне? — я усмехнулась.
- Ты молода, привлекательна и одинока, — загадочный Борис пожал плечами. — Поверь, это необычно, тем более для деревни.
- Поверь, но мне не удалось найти такого, чтобы мне захотелось, чтобы он заботился обо мне, — постаралось я вкратце выразить свое кредо. — Меня всегда интересовали другие вещи, а не поиск спутника жизни.
- Ты получила эти другие вещи?
- Нет. Не совсем... Что-то я получила, а что-то ушло. Это не карьера и не работа, поэтому мне трудно убедить тебя в том, что мне хорошо в моем положении. Я свободна, — обобщила я.
- Ты свободна, но ни с кем не общаешься, — возразил он.
- Как видишь, я настолько свободна, что общаюсь с тобой, — парировала я. — Как правило, общаются или для дела, или для удовольствия. В обычных случаях мне не интересно общаться с очень многими.
- А люди у вас весёлые, — заметил Борис, кивая в сторону соседского двора, откуда раздавались громкие возгласы и музыка.
- А у вас они какие? Там, откуда ты? Ты сам откуда? — перевела разговор я на его персону.
- Люди везде одинаковые. И там, откуда я, в том числе. Их не меняет ни время, ни место происхождения.
- Значит, и ты, такой как все! — подвела итог я.
- Нет, — мягко возразил он. — Я другой.
- В смысле? Все люди одинаковые, сам сказал. А ты, что же, — не люди? В смысле, не человек? — усмехнулась я.
- Нет, я не человек.
- А кто же ты?!
- Я — вампир.

Глава 5. «Возьми меня к реке, положи меня в воду...»

Вот так, мать вашу, июньским вечерком за чашкой чая можно услышать от собеседника: «Вы знаете, я — вампир!» Первой глупой реакцией было: «А докажи!» Вовремя сообразив, что доказательство может оказаться крайне радикальным, я застыла между сомнениями в своей или его адекватности. Пауза затянулась.

Борис, до этого сидевший чуть склонившись над столом, выпрямился и насмешливо посмотрел на меня:

- Теперь опять боишься? Или не веришь?
- М-м-м, — промычала я. — Почему же, верю... почему бы не верить..., — ещё одна продолжительная пауза. — Зачем ты сказал мне это?
- Я думаю, ты бы сама скоро догадалась. Решил помочь тебе и избавить от догадок. Так ты быстрее привыкнешь к этому факту.

Он протянул через стол руку и коснулся моей руки: — Не бойся! Видишь, различия, они есть. Например, в нашей температуре.

Рука была такая же холодная, как и тем памятным вечером. Коснувшись моей кожи, он слегка задержался и тут же убрал руку. Я перевела дыхание, слабо представляя себе, как реагировать на него дальше. Передо мной сидело вечное неуязвимое существо в облике мужчины и собиралось завязать со мной, по его выражению, «длительное знакомство»!

– Но если ты ..м-м.. вампир, разве ты можешь ходить при свете солнца? — я кивнула на небо, в котором последние солнечные лучи уже гасли. Приближающиеся сумерки придали нашему разговору слегка мистический оттенок.

– Я не боюсь солнца. Оно может обнаружить меня, но не причинит мне никакого ощутимого вреда. Мне сложно причинить вред.

– Я это уже заметила.

– Да, должен был аккуратнее вести машину в тот вечер. Я забыл, что мои попутчики могут пострадать. Это проблема в общении с людьми — вы такие уязвимые.

– Что случилось с тем, другим пассажиром? — решила спросить я.

Он не ответил, продолжая следить за мной взглядом.

– Вы его съели, что ли?

Борис усмехнулся:

– Не беспокойся о нем.

– Ага, понятно, закрытая тема. Надо бы договориться, на какие вампирские темы мы не разговариваем.

– Мы не будем пока обсуждать то, что тебя не касается. Если будет надо, ты узнаешь. Тебе ничего не угрожает.

– А твой друг? Он тоже вампир, к которому ты приезжал на кладбище?

– Да, но он тоже не тронет тебя.

– Почему вы живете в том доме? Разве вы не любите привлекать внимание? Но жильцы такого дома в любом случае будут вызывать любопытство и подозрения!

– Нам все равно, где жить, — он пожал плечами. — Большую часть времени мы проводим в доме рядом, он скрыт от глаз и малодоступен. (Действительно, продраться через заросли к нему было практически нереально, — согласилась мысленно я). Но если бы мы жили только там, то пришлось бы стать полностью незаметными. Это может быть утомительным — так тщательно скрываться от людей. Проще тогда вообще находиться в лесу. И это не проблема — иногда так и происходит.

Я попыталась это себе представить. Но мысли перескакивали с одного на другое.

– Сколько тебе лет? — решила я на важный вопрос.

– Триста. И нет, я не отсюда. Здесь у меня дела на какое-то время.

– Какие дела? — я переваривала информацию.

– Я не могу тебе рассказать. Это тебя не касается.

– Отлично, мне, действительно, лучше этого не знать, — я встала из-за стола, — Но сколько вас сейчас в Бон Темпс и поблизости, наверное, знать не вредно. У меня тут всё ж таки родственники!

– Немного. Савву ты видела. Он можно считать, из этих мест: жил здесь триста пятьдесят лет назад. Григориус и Драгана — молодая пара, им по сто лет. Возможно, теперь есть кто-то еще..., — в его голосе послышалось сомнение. — Я не уверен, поскольку не контролирую их передвижения. Но теперь их может быть больше.

Стечение вампиров в окрестностях Бон Темпс?! Страшно представить, чем это грозило ни о чём не подозревающим жителям!

Я посмотрела на Бориса, тема нашего разговора была настолько невероятна, что я попыталась взглянуть на ситуацию со стороны. Сомнения не до конца оставили меня. Может, этот тип водит меня за нос? А я развесила уши, вообразила невероятное. Руки у него холодные? Так у меня еще холоднее бывают. А кроме баек и интересной бледности никаких доказательств не было продемонстрировано. То-то он после будет потешаться надо мной! С другой стороны, если взрослые люди идут на такую мистификацию, в этом тоже есть нечто весьма зловещее — каковы могут быть цели такого поступка? Стало прохладнее или мне стало зябко от этих

мыслей, и я поднялась с места, чтобы пойти и принести что-нибудь из одежды накинуть себе на плечи и заодно предоставить возможность закончить нашу встречу.

Борис проследил взглядом за моим движением: — Ты сомневаешься, думаешь, я разыгрываю тебя?

— М-м-м, — замялась я, — Согласись, что в это сложно поверить так сразу.

— Что убедит тебя в том, что я не лгу?

Если бы я знала какой-нибудь наименее травматичный способ!

— Твои способности... может, ты продемонстрируешь одну из них? Скорость, или ..силу..

— Или беспощадность? — в одно мгновение он схватил меня за руку и притянул к себе, заставив присесть рядом на скамью. — Ты не боишься испытывать меня, мою сдержанность?

Он практически нависал надо мной, впиваясь своими невозможными глазами в мое лицо и одной только рукой удерживая меня на месте. Я со всей ясностью ощутила его холодную мощь, сдерживаемую одним только непонятным капризом, и всю условность своего существования рядом с ним. Похоже, мне уже не требовалось никаких доказательств. Увидев, что сознание почти оставило меня, он ослабил хватку и прошептал, всё еще наклоняясь ко мне: — Я не хочу тебя терроризировать, Марьяна, я хочу, чтобы ты доверяла мне. Тебе нечего со мной бояться. Чтобы рассеять твои сомнения на мой счет, я тебе кое-что покажу. Оденся, мы с тобой прогуляемся!

Он отпустил меня и отстранился; я перевела дыхание и оглянулась вокруг: уже темнело, голоса соседей и музыка продолжали создавать иллюзию обычного вечера, но у меня таких иллюзий уже не было! Испуг почти прошел, и на его место пришла решимость: если действительность вдруг перевернулась и мне не остается ничего иного, как общаться с вампиром, то так тому и быть! Я решительно направилась в дом, где облачилась в длинные спортивные штаны, футболку и тенниски. На всякий случай захватив с собой свитер, я вышла из дома. Борис окинул меня взглядом и, задержавшись на футболке, усмехнулся: — Да, это кстати...

Сначала я не поняла, но потом сообразила, что так он отреагировал на надпись «Live!» на футболке, про которую мне надо было вспомнить раньше.

— Ну что, идём!? — поинтересовалась я.

— Идём, — Борис направился в сад, пригласительным жестом позвав меня за собой.

Мы миновали сад и подошли к малопроезжим зарослям, в которые превратился заброшенный сад по соседству. Там и днём невозможно пройти, что уж говорить о тёмном времени суток.

— Мне там не пройти! — объявила я сразу, — Я туда не полезу.

— Быстро иссякла твоя решительность! — Борис шагнул ко мне, внимательно изучая что-то на моем лице, — Прогулка только начинается!

Он решительно направился в самую гущу и через секунду исчез в дебрях кустов и бурьяна. Я не расслышала ни одного шороха и потрескивания, которыми должно было сопровождаться передвижение любого живого существа. Он попросту растворился в сгущающихся сумерках. Некоторое время я озадаченно взирала на место его исчезновения, однако, ничего не менялось — он исчез. Оставалось только пожать плечами и развернуться в обратную сторону, что я и сделала, налетев на кого-то позади себя! От неожиданности я истошно завопила и рванулась бежать сломя голову.

— Подожди! — схватил меня за руку Борис, — Это же я! Ты не заметила, как я вернулся!

Я подавила крик и перевела дыхание: он успел пробраться через эти заросли и в обход сада вернуться минуты за три! Затрудняюсь сказать, сколько времени пришлось бы затратить обычному человеку на такой марш-бросок, уже не говоря о том, что пройти здесь без секача и топора попросту невозможно.

— Нужны на сегодня еще какие-нибудь доказательства моих способностей? — поинтересовался мой спутник, — Если нет, пойдем тогда отсюда, а то ещё на твой крик сюда сейчас сбегутся спасатели!

Мы выбрались на тропинку, которая уводила от сада к старому выгону, где начинались грунтовые дороги на поля и уводили дальше к посадкам и лесу. Выгон тоже когда-то был сельскохозяйственным, но теперь в эпоху победившего капитализма окончательно превратился в перепаланное и запустелое место, где кто-то продолжал ещё приводить на выпас своих коров или лошадей, а кто-то втихую использовал отдельные места под свалки. По сути это была безлюдная буферная зона между садами-огородами и полями сельскохозяйственного назначения. Однозначно странное место для прогулок вечером.

Мы выбрались на открытое пространство — в темнеющем небе зажигались звезды, месяц серпом повис над уходящей к лесу дорогой.

— Никогда не была ночью в лесу, — заметила я.

— Это будет превосходным доказательством! — заметил Борис, — Но нам нужно будет взять мою машину, ведь ты вряд ли захочешь, чтобы я отнёс тебя туда на руках?

— Несомненно, этот способ мы отложим на потом! Сколько добираться до твоей машины? — до их резиденции у кладбища пешим ходом надо было бы добираться минут тридцать.

— Я позвоню Савве, и он подъедет сюда. Это будет быстрее всего, — вампир достал мобильный телефон и что-то прошелестел (иначе не скажешь) в него, — Ну, вот, минут через десять он подъедет.

Через двенадцать минут на темной дороге замигали фары — из-за поворота выехало авто. Из остановившейся машины выбрался Савва и уставился на нас без всякого выражения на лице.

— Привет, Савва, мы хотим прокатиться в лес. Познакомься, это Марьяна! Марьяна, — это Савва.

Савва невыразительно взглянул на меня и наклонил к плечу голову. Невыразительно в том смысле, что его взгляд не выражал при этом никаких эмоций. На меня же этот холодный взгляд произвел пугающее воздействие.

— Добрый вечер, Савва, — промямлила я.

— Тебе придется вернуться домой пешком, — сказал Борис. Савва дернул плечом и, развернувшись, в одно мгновение растворился в сумерках.

Мы забрались в машину и в уже приличной темноте отправились в сторону леса. Внутри у меня щемящее чувство тревоги мешалось с какой-то неожиданной беспешашной радостью. Мы неслись к лесу по грунтовой дороге вдоль засеянного рожью поля, мой спутник изредка поглядывал в мою сторону:

— Необычное желание — прогуляться по ночному лесу! Что ещё ты придумашь?

— Знаешь, у меня не было ещё знакомых, с которыми я могла бы вот так запросто и без всякой цели поехать ночью в лес. Надеюсь, ты не смеёшься сейчас надо мной, но мне не было ни с кем так спокойно, — неожиданно заявила я.

— Ты доверишься мне, — заключил Борис, — Возможно, ты чувствуешь, что я достоин твоего доверия. Я надеюсь, у тебя не будет причин пожалеть об этом.

Мы подъехали к опушке леса и проехали чуть дальше по лесной дороге, которая, к сожалению, очень быстро стала непроезжей. Местные грибники обычно передвигались по ней на велосипеде, время от времени перетаскивая его на себе. Мы вышли из машины. Ночной лес обрушился на меня пугающей темнотой. Непонятные звуки, шелест листьев, призрачный свет луны, — я растерялась, что дальше? Но Борис уже увлекал меня в сторону от дороги, плавно перемещаясь между деревьев и густых переплетений орешника. Он бесшумно скользил, и вслед за ним с треском следовала я, про себя сокрушаясь своей неуклюжести. Через какое-то время мы оказались на краю поляны, в центре которой чернел, поблескивая отражениями

звёзд, лесной пруд. Вырисовывалась цель нашего путешествия. Мы приблизились к берегу. Я знала, что глинистый берег очень быстро переходит в илистое и скользкое дно, но азарт необычного ночного путешествия уже охватил меня. Я сняла футболку и штаны и обернулась к своему спутнику. Вампир разоблачился следом за мной, оставшись в белье, что меня немного удивило и позабавило. Стараясь не споткнуться в темноте, я двинулась к берегу, Борис взял меня за руку и первым вошел в воду, следом зашла я, удивившись ее приятному теплу. В одно мгновение мы оказались в воде, нога моя предательски соскользнула по илу и я, ойкнув, потеряла равновесие, но вовремя была подхвачена холодной, по сравнению с водой, рукой. Оценив последовавшую паузу как двусмысленную, я оттолкнулась от дна и поплыла, вглядываясь в окружающую темноту и удивляясь тому, что начинаю всё лучше видеть в темноте. Мой спутник молчаливо следовал за мной, почти не издавая шума. Проведя в воде минут двадцать, я почувствовала, что пора бы уже выбираться на берег. Как только я вышла из воды, контрастно холодный ночной воздух моментально вызвал дрожь. Я предвидела это, и порадовалась, что захватила свитер. Быстро избавившись от мокрого белья, я натянула свитер на мокрое тело и буквально запрыгнула в штаны и обернулась, чувствуя спиной пристальный взгляд своего спутника. Он медленно вышел из воды и всё так же непринужденно облачился в свою одежду, которая тут же намокла, предательски обозначив нижнее белье. Молча оценив друг друга, мы двинулись в обратный путь, так я, во всяком случае, надеялась, следуя за вампиром по лесной чаще. Движение опять разогрело кровь, и я уже снова ощущала непонятную эйфорию, несмотря на влажную одежду и исцарапанные в зарослях руки и ноги. В окружающей ночной прохладе я сама ощущала излучение от моего разогревающегося влажного тела. Это ощущение возбуждало, но и немного пугало, потому что Борис тоже это чувствовал, это было заметно по его напряженному вниманию, с каким он следил за моими движениями, оборачиваясь ко мне, по тому, как раздувались его ноздри, когда он как будто бы пробовал на вкус ночной воздух. Мы добрались до границы леса, где оставили машину, и повернули в обратный путь. Не включая фар, мы неслись в темноте, как вестники смерти, никто из нас не начал разговора. И только выходя из машины на том же самом месте, где мы садились в нее двумя часами ранее, я поблагодарила его за прогулку: — Спасибо, Борис! Это было странно и чудесно!..

— Ты ещё не всё видела, — усмехнулся он, — До скорой встречи!

Оставшись в одиночестве, я уже не так бодро добралась до сада и, стараясь не споткнуться и не поскользнуться на траве, спустилась к дому. И тут я вспомнила, что уходя на эту необычную прогулку, я позабыла закрыть входную дверь...

Глава 6. Визиты продолжаются

В тихом отчаянии я прокралась по тёмному двору, бросила на стол под навесом мокрое бельё и, добравшись до двери, призадумалась, как поступить дальше. Заходить в темноте в дом, простоявший открытым в течение трех часов, было жутко. Пусть с улицы дверь на веранду была закрыта, но любой желающий легко мог зайти в дом со стороны двора, никаких сверхспособностей для этого не требовалось. Через окно, единственное в доме выходящее во двор, видно ничего не было. Но моему возбужденному воображению казалось, что в доме определенно кто-то есть. Тогда я, поразмыслив, решила проделать следующий фокус — закрыть дверь дома снаружи и посмотреть на дальнейшие события. А переночевать, в крайнем случае, я смогу и во дворе в летнем домике, осмотреть который на предмет безопасности будет пара пустяков. Приняв такое решение, я резким движением открыла дверь и в проеме двери, выходящей на веранду, разглядела на фоне окна некую фигуру, слабо подсвеченную у лица экраном смартфона. Человек, стоящий на веранде, дернулся при моём неожиданном появлении. В одно мгновение я выдернула ключ из замочной скважины и захлопнула дворовую дверь, трясущимися руками засунула ключ в замок и повернула два раза, явственно различив вскрик в доме и последующее движение незваного гостя. Но поздно, дверь была заперта! Я удовлетво-

рѐнно перевела дух. Тот, кто был внутри, не торопился дальше обнаруживать свое присутствие. Видимо, он рассчитывал на легкий путь через уличную дверь на веранде, не подозревая, что она также закрыта на ключ, который ему ещё предстояло найти. «Надеюсь, он не будет выбивать мне окна!» — с запоздалым волнением подумала я.

Теперь мне предстояло обдумать свои последующие действия. Самым разумным мне показалось сообщить в полицию о постороннем проникновении в дом; я уже начала склоняться к тому, что это будет самым действенным решением, хотя, по-видимому, оно лишит меня всякой надежды выспаться сегодня, пока я буду дожидаться приезда наряда из Ла Перлы и потом после выдворения «визитѐра» оформлять какие-нибудь соответствующие случаю документы. Рука моя уже потянулась к карману штанов, где лежал телефон, когда со стороны летнего домика послышалось покашливание и чей-то ровный, не лишенный приятности голос произнес:

– Кх, прошу прощения, ..я Вам не помешал?

«Ещё один!?!» — в смятении подумала я и обернулась к навесу, тщетно пытаюсь разобрать в темноте, кто там находится.

– Добрый вечер, госпожа, — продолжал неизвестный голос. — Я ищу здесь своего приятеля. Он говорил, что будет здесь, и вот я жду, но ни Вас, ни его нет.

Фигура говорящего отделилась от тѐмной стены, и я увидела силуэт молодого мужчины, может быть, совсем юноши, с буйной шевелюрой и так же мрачно поблескивающими в темноте глазами.

– Позвольте представиться, я — Григориус. А вы — Марьяна? Борис рассказал, где Вы живете и как мне сюда добраться.

– Но мне он ничего не сказал про Вас, — проямлила я. — Он не говорил, что Вы сегодня придѐте..., —чѐрт возьми, разве не надо предупреждать, что ко мне может явиться за один вечер сколько угодно вампиров?!!

– А этот, в доме,.. он тоже с Вами? — кивнула я в сторону входной двери.

– Нет, я не знаю, что это за человек. Он пришел позже, приехал вечером, звонил в дверь и когда никого не дождался, он перелез через стену и прошел в дом.

Чудесно! Оказывается, проблема ещё не нашла своего решения. Но как мне вызывать полицию при наличии вампира во дворе?

– Вот что, Григориус, Ваш приятель Борис был здесь и уже давно должен был вернуться домой. Разве другой ..э-э.. вампир — Савва, он не говорил Вам, что мы с Борисом поехали в лес?

– Нет. Савва не говорит больше того, что считает нужным.

– Очень жаль, но в любом случае, Григориус, Вам нужно будет сейчас уйти, а мне, — я кивнула на дверь, продолжая держать в руке телефон, — Придѐтся разобраться с этим посетителем.

– Я Вам помогу, —ответил Григориус, — Думаю, моѐ присутствие может оказаться Вам полезным.

В его произношении слышался легкий акцент, но мне некогда было размышлять над его природой.

– Понимаете, Григориус, я вынуждена сейчас позвонить в полицию. Вам захочется иметь дело с полицейскими? — говоря это, я повысила голос, чтобы придать своим словам большей уверенности.

– Эй, послышался голос из-за двери, — Откройте, я и есть полиция!

– Ну да, — откликнулась я, — Теперь мы уже из домушников стали полицией! Где доказательства? — (тут мне показалось, что доказательств я требую уже не первый раз за этот вечер).

– Сколько угодно! Подойдите к окну и посветите чем-нибудь! — из-за двери послышался грохот и чертыхания, потом темный силуэт мужчины показался в окне

— Чем я тебе посвечу? — пробурчала я, раздраженно представляя себе, что он мог порушить в темноте на своём пути. Почему, кстати, он сам не зажег свет? Очевидно, не потрудился поискать выключатели. — Прожекторы забыла подключить!

Я подошла к окну, за которым виднелся человек, он прижал к стеклу удостоверение. — Вот, видите! — прокричал он мне из-за стекла.

Пришлось подсветить в окно телефоном, в свете которого можно было прочесть, что удостоверение выдано капитану полиции Копосову Егору Викторовичу.

— Ну и что, — не впечатлилась я документом. — таких удостоверений можно наклепать сейчас сколько угодно! Что вы тут делаете, гражданин Копосов?

— Я дознаватель по делу об исчезновении Нечипюка Якова Борисовича.

— А это ещё кто? Для этого обязательно нужно было в мой дом залезать?

— Нам известно, что вы ехали с этим человеком в одной машине, после чего его больше никто не видел, — проигнорировал он мою претензию.

— Понятно. Не иначе, как я кого-то похитила, — я отошла в сторону домика к Григориусу.

— Послушайте, — прошептала ему я. — Вы, пожалуй, можете пока здесь остаться, а я его выпущу. Я скажу, что вы — мой друг. Надо, чтобы этот дознаватель убрался отсюда.

— Да, хорошо, — спокойно ответил Григориус. — Я останусь.

— Я открываю! — крикнула я в сторону окна и пошла открывать дверь. Через минуту пленник вышел во двор.

— Добрый вечер, — поздоровался он как ни в чём не бывало. — Мне жаль, что наше знакомство произошло подобным образом. Я просто хотел Вас дождаться, — он покосился на фигуру Григориуса, который выглядел неподвижным и недружелюбным.

— И для этого Вы засели в темноте в моём доме, чтобы застать меня врасплох? Или напугать до смерти?! И всё по какой-то весьма странной причине!

— Но Вас так долго не было дома, а мне срочно нужно получить от Вас сведения... Вас действительно видели с этим пропавшим человеком! Есть свидетели, которые показали, что вы садились в одну машину на автобусной остановке в сторону Бон Темпс в тот вечер, когда он пропал! Это было девятнадцатого июня.

— Покажите мне таких свидетелей! В тот день я действительно возвращалась из Ла Перлы, я села в машину, которую остановил человек, стоявший вместе со мной на остановке, но я вышла из нее в районе строительной базы, — говоря это, я почувствовала странность ситуации — теперь я изо всех сил выгораживаю Бориса и не хочу, чтобы обнаружили его причастность к этому неприятному происшествию.

— Почему же Вы это сделали?

— Потому что мне показалось, что водитель слишком быстро и беспечно ведёт машину. Был дождь, и я побоялась с ним ехать. Я вышла и через четверть часа смогла уехать на следующей попутке, — на ходу придумывала я правдоподобную версию.

— Что это была за машина, какой модели и марки, какой номер?

— У меня, знаете, кретинизм на автомобильные модели и марки, могу сообщить только, что она была темная, номера местные.

— Да, не густо, — сказал этот Копосов. — Очень жаль, что Вы не можете или не хотите помочь в поисках человека.

— Вы что, издеваетесь? Я и, правда, не могу вам ничем помочь. Я в первый раз слышу, что кто-то пропал, — говоря это, я порадовалась, что наша беседа происходит в темноте. Надеюсь, мне не придется повторять этот диалог в дневной обстановке!

— Ну что ж, выпустите меня, — он направился к двери, попутно взглянув на всё так же молчаливо стоявшего в темноте Григориуса. — До свидания, извините за беспокойство.

Я выпустила его на улицу и закрыла дверь, слушая, как отъезжает от дома его машина. Потом вернулась во двор, где всё в той же безмолвной позе пребывал Григориус.

– Вы всё слышали. Похоже, придётся разобраться с Борисом, что там у вас произошло. Надеюсь всё-таки, что обошлось без криминала... Иначе вами всерьёз заинтересуются органы.. И мне этого тоже не надо.

– Нет причин волноваться. Они никого не найдут.

– Как не найдут?!

– Не найдут, потому что ничего нет, — загадочно ответил Григориус. — Если Вам нужно, я могу остаться здесь до утра. Я позвонил Борису и сообщил ему о том, что здесь произошло. Сам он не может сегодня быть здесь, он просил побыть здесь меня. Если Вы захотите.

Очень интересно! И я буду беспечно спать в доме, пока он будет торчать здесь во дворе? Но усну ли я, если в доме ещё будут посторонние?

– Вы не пройдёте в дом, останетесь здесь?

– Я не смогу войти в дом, пока Вы меня не пригласите.

– Понятно, — пробормотала я. — Тогда я лучше останусь здесь, в домике, — я указала на летний домик. — Туда Вы тоже не можете войти?

– Да, — Григориусу, кажется, было вообще всё равно. Интересно, оживился бы он, пригласи я его войти?

– Тогда, до завтра, — попрощалась я и поднялась по ступенькам домика как раз мимо Григориуса.

– Приятных снов! — ответил он и снова замер, уставившись в пространство.

Хоть это и смешно, но я закрыла дверь на щеколду и в изнеможении повалилась на стоящую у окна кровать. Укладываться спать по-настоящему мне показалось неуместным, поэтому я только отодвинула наваленный на кровать хлам и тут же провалилась в забытё.

Глава 7. Сомнения

POV Автор.

Капитан полиции Копосов отъехал от дома свидетельницы в три пятнадцать ночи в смешанных чувствах. Прежде всего, он испытывал разочарование от впустую потраченного времени, за которое он не узнал ничего, что помогло бы прояснить пропажу мужчины. Во-вторых, он был крайне недоволен собой, когда решил зайти в оставленный открытым дом и создать эффект неожиданности для хозяйки. Это было очевидной ошибкой, приведшей к тому, что вместо обретения преимущества он оказался в слабой позиции. Эту молодую женщину действительно видели садящейся на автобусной остановке в одну машину с пропавшим. Это сообщила одна из жительниц Бон Темпс, которая в тот момент спускалась из перехода к остановке, но не успела подбежать к машине. Из-за дождя те, кто садился в попутку, не расслышали её криков и уехали, а ей пришлось самой голосовать, чтобы также уехать в Бон Темпс. Это заняло какое-то время, может быть, минут пятнадцать, по её словам. Когда она ехала, то, как она помнит, видела какую-то машину, стоявшую недалеко от дороги за одним из поворотов. Дождь поливал как из ведра, и никаких людей рядом с той машиной она не заметила; не помнит она и того, была ли эта машина той самой, которая уехала у нее из-под носа. Сведения эти были получены полицией спустя четыре дня после происшествия, поэтому осмотр придорожной полосы мало что дал, только в одном месте оставались следы от выезда машины на грунт, и след ее колёс наводил на мысль о возможной аварийной ситуации. Следы людей обнаружить уже не представлялось возможным.

Егор Копосов настроен был как можно скорее закрыть это дело, поэтому посчитал удачей тот факт, что один из прямых свидетелей уже обнаружен, он был полон решимости оперативно опросить свидетельницу. И вот к чему это привело! Неприятные предчувствия охватили его уже когда он сидел на неосвещённой веранде, разглядывая в полутьме сложенные стопкой журналы, блокнот с непонятными заметками, а также наспех брошенные на стул женские майку и шорты. Прделанный несколькими минутами ранее беглый осмотр всего помещения

дал ему минимум информации, если не считать данных паспорта, который он легко обнаружил в дамской сумочке в шкафу. Не молодая, не замужем, детей нет; прошлая регистрация, новая регистрация... Быстро сфотографировав смартфоном две первые страницы, он положил документ на место и опять вышел на веранду, где свет от уличного фонаря создавал приемлемое освещение. Проведя в импровизированной засаде около часа, он уже собирался покинуть дом, последний раз открыв в смартфоне список пропущенных вызовов. И в этот момент явилась она, перечеркнув все его планы своим неожиданным манёвром!

Запертый в чужом доме при исполнении своих служебных обязанностей он почувствовал унижение, но сдержал первый порыв выбить на хрен дверь, застыв перед ней в темном коридоре, и прислушавшись к тому, что происходило во дворе. Там был не один человек, это определено: она, по-видимому, хозяйка дома, с кем-то тихо разговаривала. И это только ухудшало положение Копосова, который меньше всего желал большого числа свидетелей своего профессионального прокола. Слава богу, с ней удалось договориться! Она не впала в истерику, не устроила шумный скандал, за что ей отдельное спасибо. Но и ничего полезного ему не сообщила. Она ему и сама-то не понравилась сразу, несмотря на темноту, в которой проходило их общение: невысокая, фигура никакая — ни форм тебе, ни стати, её возраст тоже не прибавлял ей баллов (судя по паспорту, она была старше Копосова на шесть лет), — короче, ничего интересного. А ситуация знакомства сразу сделала её неприятной персоной для Копосова и в профессиональном отношении. Её спутник был вовсе невнятен — молчал, даже не шевелился и, видимо, не хотел светиться вовсе. Что-то тревожащее было в этой парочке, они не похожи были ни на любовников, ни на родственников. Профессиональное чутьё Копосова делало стойку, зародившееся недоверие это единственное, что он вынес из этой встречи. Проверить эту невнятную бабёнку, вот что обязательно нужно будет сделать!

Марьяна очнулась довольно рано и никак не могла понять, почему она находится в летнем домике. События вчерашнего дня и ночи постепенно восстанавливались в памяти. Невероятные знакомые с трудом укладывались в привычную картину реальности. Ещё меньше в неё вписывался нестандартный визит дознавателя. Больше всего Марьяну удивляло её собственное поведение, когда она самостоятельно приняла сторону, в общем-то, виновных. Она была абсолютно уверена, что Борис принимал непосредственное участие в исчезновении мужчины, но сделала всё, чтобы отвести от него подозрения. И, конечно, от себя, чего уж там. Её свидетельство могло стать ключевым в расследовании этого дела. Почему же она попросту обманывает полицию вместо того, чтобы помочь найти человека? Марьяна с тяжелым чувством вины припомнила, как ещё несколько дней назад она содрогалась при воспоминании о Борисе. Его темная фигура за завесой дождя, медленный поворот его головы, холодный блеск глаз, взгляд, от которого цепенеешь и прирастаешь к месту. Она это прекрасно помнила, и последние события не умалили живости её воспоминаний. Но теперь что-то неуловимо переменялось в самой Марьяне. Опасность, которая по-прежнему явственно исходила от её новых знакомых, уже не казалась ей настолько угрожающей, чтобы желать прекращения этого знакомства. Это тоже казалось ей странным. С другой стороны, она отдавала себе отчет, что в её жизни давно уже не происходило ничего интересного или необычного, окружающие её мужчины давно не вызывали никаких чувств в силу своей предсказуемости. Её длительные романтические отношения закончились тяжело и ничем уже три года назад, и с тех пор она не заводила новых отношений с мужчинами. Она не хитрила в своей беседе с Борисом: ей часто было скучно с людьми, в том числе и с мужчинами.

Перебравшись в Бон Темпс, она заранее настроилась на уединённое существование, разбавляемое общением с родственниками. События последних дней противоречили как ожиданиям, так и вообще здравому смыслу. Как ей всё-таки стоило поступить? Какими должны быть

разумные действия в создавшейся ситуации, если сами факты противоречили разумному и рациональному?!

Марьяна не видела какого-то правильного варианта своего поведения. В таких случаях она привычно подчинялась естественному развитию событий. Это означало: ничего не предпринимать и решать проблемы по мере их поступления. К тому же ей было любопытно встретиться снова с Борисом и Григориусом. Вот только Савва не вызвал у неё симпатии и желания познакомиться ближе. ...

С приходом сумерек Марьяна обнаружила во дворе ночного посетителя. Григориус полу-сидел-полулежал на скамье под навесом, небрежно привалившись спиной к несущей балке и облокотившись рукой о стол. Вторая рука свисала вдоль тела, в сжатом кулаке он держал какой-то предмет. Хотя поза его была расслаблена, и на первый взгляд он выглядел юным и безмятежным, во взгляде прищуренных глаз сквозило жесткое нетерпение. Марьяна неожиданно для себя обрадовалась его появлению, в то же время отсутствие Бориса неприятно кольнуло её. Ей хотелось увидеть его сегодня, убедиться в его реальности и в своем правильном выборе тактики поведения с дознавателем. Почему его нет, неужели ему всё равно, что здесь с ней происходит?

— Я рада видеть Вас, Григориус! — поприветствовала она молодого вампира. Хотя, какого там, молодого! Она же помнила слова Бориса о том, что возраст Григориуса и его спутницы, которую она ещё не видела, больше ста лет!

— Я тоже, Марианна, — ответил он, не меняя небрежной позы. — Я здесь, чтобы охранять Вас этой ночью. Борис отсутствует, и пока его нет — я в Вашем распоряжении.

Марьяна вздохнула, она почувствовала досаду от того, что встреча с Борисом откладывается. Но Григориус был не менее интересной персоной, общению с которым теперь ничего не мешало.

— Может, теперь мы перейдем на «ты»? — спросила она осторожно.

— Нет возражений, — сверкнул на неё взглядом Григориус. — Мне одинаково удобно и так, и этак. Нас не успели представить должным образом...

Марьяна опять обратила внимание на странный акцент Григориуса: — Откуда ты?

— Из Герцеговины.

— Что же ты делаешь здесь, так далеко от дома?

— За сто пятьдесят лет сложно оставаться на одном и том же месте, — усмехнулся Григориус, и Марьяна невольно залюбовалась его точеным и горделивым профилем. — Да и дом перестаёт иметь то значение, которое ему придают смертные. Моим домом может быть какое угодно место, где я пожелаю остановиться. Сейчас твой двор в известном смысле — мой дом!

— Рада это слышать, — Марьяна тут же почувствовала себя не очень гостеприимной хозяйкой. — Но я не знаю, что я могу предложить тебе, как гостю...

— Лучше не надо! — остановил её Григориус. — То, что ты могла бы мне предложить, я не могу взять!

Он усмехнулся в ответ на немой вопрос Марьяны.

— Я пришёл сюда охранять тебя, в том числе и от себя самого, и от других, таких как я. Я могу удовлетворить свои потребности в другом месте, не здесь. И так будет лучше для всех.

— Замысловато..., — Марьяна вздохнула. — Как сложно, оказывается, общаться с вампирами... А вам, наверное, с людьми.

— Не так, чтобы сложно, но нечто странное в этом, несомненно, есть. Некоторые из нас вовсе не взаимодействуют с людьми, кроме известного способа. Им это противно. Известный тебе Саавва не общается со смертными без крайней необходимости.

– Как я понимаю, Борис не против контактов с людьми. Хотелось бы понять, зачем он просил меня охранять?

– Спроси у него сама.

– А ты как думаешь?

– Он мой босс — сказал придти сюда — я пришёл. Моё мнение значения не имеет. Не думаю, чтобы оно на этот счёт у меня было. А вот у Драганы оно, несомненно, есть.

На лице Марьяны отразилось недоумение.

– Она придёт сюда?

– Несомненно, ей хотелось бы придти сюда — ей страшно не нравится, что я провожу время здесь с тобой, — усмехнулся Григориус. — Думает, что мы здесь развлекаемся! Эй! Драгане! — крикнул он в сторону сада, не оборачиваясь. — Долазе до нас!²

В ту же секунду в калитку ворвался темный вихрь, и через мгновение рядом с Григориусом возвышалась разъяренная девушка, точёные черты лица которой были искажены гневом. Григориусу она ответила громким злобным шипением. Затем она искоса взглянула на остолбеневшую Марьяну и замерла в позе, в которой сквозила мало ожидаемая от сверхъестественного существа нерешительность. По-видимому, ей было неловко за своё несанкционированное боссом появление на дворе у его подопечной.

– Добрый вечер, — поприветствовала её Марьяна, стараясь прервать возникшую неловкую паузу.

– Вы — Драгана? Я рада видеть Вас у себя!

– Добра вечер, — голос Драганы оказался удивительно звонким, — Драго ми е превише.³

Тонкая, одного роста с Марьяной, с чёрными волнистыми волосами до плеч, мрачно сверкающими из-под широких бровей глазами, она постояла некоторое время в той же позе, а потом перетекла на скамейку рядом с Григориусом.

Марьяна со вздохом отметила про себя ее плавную кошачью грацию. Южная красота обоих вампиров, выглядевших поразительно юными, притягивала её взгляд. Рассматривать их в открытую Марьяне было неловко, особенно ещё потому, что Григориус приобнял одной рукой вампиршу, и в сгущающейся темноте их фигуры слились в интимную скульптурную композицию. Молчание для вампиров, по-видимому, было состоянием естественным, но Марьяне оно казалось неловкой паузой, неловкой именно для неё. Странное чувство зависти к этим существам, к их молчаливому единению, охватило Марьяну. Это заставило её подняться со своего места, не проронив ни звука. Она прошла в дом и, закрыв дверь, привалилась к ней, ощущая, что силы и самообладание вдруг снова изменили ей. Сейчас, ощутив себя чуждой своим ночным гостям, она уже не была уверена, что поступает правильно.

Глава 8. Июльские ночи

– Эй, открывай, давай!

Я проснулась от громкого стука в окно и чьих-то настойчивых криков. Несколько минут хватило мне для того, чтобы понять, что за окном яркое солнечное утро и мой троюродный братец Фёдор пытаются привести меня в активное состояние.

– С-сейчас!... — Невнятно крикнула я Фёдору и быстренько натянула на себя дежурные шорты и майку, — Иду-иду!

Спотыкаясь о валявшиеся на полу тапки, я вышла на веранду и впустила Фёдора. Тот зашёл, оглянувшись почему-то по сторонам, и присел на стул рядом со столом. Выражение его обычно добродушного лица сегодня было невесёлым. Или это так мне спросонья показалось?

– Ну, здравствуй, сестричка!

– И тебе — здравствуй. Чего примчался-то, — поинтересовалась я, присаживаясь напротив Фёдора на подлокотник кресла.

— Беспокоюсь я о тебе, вот чего примчался! — светло-голубые глаза Фёдора смотрели укоризненно, — Пришёл проверить, цела ли ты, дорогая!

— А что со мной должно случиться? — недовольно поинтересовалась я, — Украдут меня, что ли?

— Может, и украдут. А кто о тебе ещё позаботится-то? — Фёдор впился в меня злыми глазами, — То ты едешь неизвестно с кем из города, то до дома тебя какие-то неизвестные мужики подвозят, приезжают к тебе, а теперь ещё и по ночам в твой двор шастают!

— Это откуда же у тебя такие сведения?! — поразила я.

— А что, неправильные сведения, скажешь? У нас тут всё, что надо, увидят, не беспокойся! И дальше расскажут! А теперь подумай, надо тебе, чтобы о тебе такое рассказывали?! — Фёдор всем своим видом демонстрировал осуждение моих nepозволительных поступков.

— Постой, Федя, не знаю, кто твои соглядатаи, но только у них явно что-то не то с органами чувств — никого на моем дворе по ночам нет, я дома сижу тише воды, ниже травы — сама благопристойность. К чему эти обвинения!

— Зубы мне не заговаривай, — огрызнулся Фёдор, — Ты девочка не маленькая, сама понимаешь, что к чему. Если тебя соседи будут видеть с чужими, то и говорить будут всякое, рты людям здесь не закроешь. А мысли у всех будут про одно, хоть чем вы тут занимаетесь — хоть в шахматы играйте.

Он расстроено замолчал, избегая теперь смотреть мне в лицо. При этом мне показалось, что целомудренность моего поведения не в первую очередь волнует его. Тут было ещё что-то, что он не успел мне высказать. Поэтому я решила отложить свои возмущения на потом и постаралась поймать его взгляд:

— Что-нибудь случилось ещё?

— Видишь, — Фёдор на секунду замолчал, словно колеблясь в своей решимости озвучить новость, но потом всё же продолжил. — По району люди пропадают. Несколько человек уже... Никого из них пока не нашли. И мужики есть и женщины. Куда они делись — не понятно, никто не знает, ни родственники, ни полиция... А тут ты с какими-то неизвестными чужаками общаешься! — внезапно со злобой в голосе закончил он.

— Если что случится с тобой, помни: я тебя предупреждал! — с нажимом на последней фразе закончил он свою отповедь и поднялся с места. — Всего тебе. Хорошего.

Я озадаченно смотрела, как за Фёдором закрылась дверь. Вот тебе и здрасте, думаешь, что живёшь уединённо, а на самом деле в твоей жизни активно принимают участие посторонние. Ну, что ж, этим и отличается сельская жизнь от анонимной городской: в этом микромире зрителей, созерцающих твою жизнь в реальном времени, будет предостаточно. Если Борис намерен и дальше продолжать знакомство, пусть превратится в невидимку.

Вампир, скрывающийся от недремлющего ока моих соседей! — мне стало смешно. А потом — грустно: Бориса не было и некому было ответить на мои вопросы.

Он появился через четыре дня. Всё это время по ночам на моём дворе дежурил Григориус, к которому с вечера или к утру присоединялась Драгана. С Григориусом мы немного разговаривали, когда он появлялся с наступлением сумерек, а потом я уходила в дом. С Драганой у нас общение не заладилось. Она, казалось, избегала малейшей возможности разговора со мной. Пару раз ночью я осторожно выглядывала в дворовое окно, пытаюсь разглядеть, что там происходит, но в темноте под навесом любые очертания фигур сливались с чернотой ночи. Только однажды я увидела их силуэты на фоне звёздного неба: они сидели друг напротив друга, чуть склонив головы и абсолютно не шевелясь. Мне стало неудобно, и я на цыпочках отошла от окна, сомневаясь в том, что моё движение осталось незамеченным.

С возвращением Бориса мой временный распорядок окончательно поменялся. День я по-прежнему проводила в домашних делах, стараясь освободить время к вечеру. Длинные июньские дни закончились, и он появлялся на машине уже перед самым закатом. В солнечные дни он дожидался меня в машине, и мы уезжали кружить по прилегающим к Бон Темпс полевым дорогам, в итоге добираясь в сумерках до леса, и дальше уже пешком уходили в его глубины, с каждым разом всё дальше и дальше. Пару раз я совместила приятное с полезным, однажды во время такой прогулки встретив поросль белых грибов, а в другой раз — лисичек. Видя, как я отвлекаюсь на сбор грибов, Борис только усмехался и терпеливо дожидался, когда я закончу свое собирательство, что в сумерках было уже нелёгким делом.

Купание в ночном пруду тоже было однажды повторено, только теперь я заранее надела купальник и захватила полотенце, так что мне не пришлось ещё раз мокрой облачаться в одежду. Мои предосторожности вызывали у моего спутника какую-то покровительственную усмешку. Быть мокрым для него не значило ровным счетом ничего. Для меня же это во второй раз сопровождалось неконтролируемым возбуждением на нашем обратном пути. Его мокрые волосы и лицо слабо светились при свете луны, к мокрым рукам, державшим руль, прилипли рукава рубахи, брюки были натянуты на мокрое нижнее белье, и влажные пятна на одежде легко просматривались, почему-то вызывая у меня дрожь. Сидя рядом, я внимательно всматривалась в переднее стекло, за которым мои глаза мало что различали, и в то же время боковым зрением я отчётливо видела его профиль, руки, к которым испытывала странное притяжение.

Напряжение отчетливо ощущалось в машине, электричеством пробегало по моему телу. Когда мы добрались до сада, я с облегчением подумала, что искушение меня миновало, и приготовилась в быстром темпе домчаться до дома, попрощавшись с Борисом здесь, на выгоне. Но он вышел следом за мной и безапелляционно заявил, что проконтролирует моё передвижение в темноте. Спустившись в сад, мы не обмолвились ни единым словом. Посередине садовой дорожки Борис затормозил, останавливая и меня.

Он определённо что-то почувствовал в машине, и сделал соответствующие выводы. Но моё наваждение к моменту нашей остановки почти испарилось, уступив место вездесущим сомнениям. Я вопросительно взглянула на него снизу вверх. Вампир замер, видимо, оценивая моё душевное состояние, потом всё-таки взял меня за плечи и приблизил своё лицо к моему, заглядывая в самую глубину моих глаз, отчего мне показалось, что я вижу слабо светящееся небо. Затем я ощутила на своих губах его холодные губы, которые слегка прикоснулись, вызвав замирание сердца, а потом властно и больно впились в мои, обжигая как лёд. Я замерла, потрясённая своими ощущениями и осознанием неотвратимости падения в разверзшуюся подо мною бездну. Так продолжалось несколько мгновений, показавшихся вечностью, и вдруг всё прекратилось, Борис отстранился от меня и с холодноватой усмешкой смотрел, как я прихожу в чувство.

— Прошу прощения, — перевела я дух. — Я пойду, уже поздно.

Вздрагивая, я чувствовала, что нахожусь сейчас в его власти, и если он не пожелает меня отпустить, то я не смогу ничего сделать наперекор его воле. От предчувствия его необратимых действий в глубине души шевельнулся ужас: как будто сейчас только осознав, что всё предыдущее с моей стороны было ошибкой. Но, перевернувшийся было мир, вдруг устоял. Борис выглядел прежним, немного грустным. Он посторонился, давая мне дорогу:

— Я испугал тебя, прости... Немного забылся. Ты можешь идти, Марианн, не беспокойся ни о чём. Ты в безопасности.

Он остался в саду, позволив мне пройти и не попытавшись более остановить меня.

Я зашла в дом, замкнула за собой дверь и задумалась. Я чувствовала досаду и на себя, и на него, мне казалось неправильной вся ситуация. Положа руку на сердце, я боялась близких отношений. Роман с мужчиной мне определённо был сейчас не нужен. Я боялась близких отношений вообще, чтобы ненароком не впустить кого-нибудь в своё сердце, которое до сих

пор ныло от прошлых разочарований. Зная за собой эту слабость, я избегала любых ситуаций, чреватых влюбленностью с моей стороны. Романтические настроения в мой адрес теперь тоже доставляли какое-то моральное неудобство, словно я несла ответственность за те настроения и надежды, которые кто-нибудь из мужчин начинал демонстрировать. Сейчас дело обстояло во много раз хуже — я сознательно шла на контакт с мужчиной, который был мне интересен, которому мне было приятно нравиться, и который был вампиром! И в то же время мне не хотелось близких отношений с ним. Одна мысль о сексе с Борисом почти парализовывала. Я боялась этой близости почти так же сильно, как его укуса. Чёрт возьми, а вдруг у них одно неотделимо от другого! Сериалы про вампиров полны подобных подробностей вампирской сексуальной жизни. Тревожная неуверенность только возрастала, когда я вспоминала его глаза, понимая при этом, что мне не устоять перед волей Бориса, перед его мрачным магнетизмом. Как сегодня. Я сама буду желать его, понимая всю губительность близости с ним. Вынырнуть из этого омута уже казалось невозможным. Я не смогу отделаться от вампиров. Если только они сами не исчезнут из наших мест также внезапно, как появились. Что же их держит здесь?

Следующим вечером Борис не появился. Я подивилась этому, не поверив, что вчера ночью так сильно задела его мужское самолюбие. А вдруг? Вместо него в сумерках возник Григориус. В руке у него был сверток, который он поставил на стол под навесом и в привычной позе развалился на скамье.

Я обрадовалась его появлению, потому что Григориус нравился мне своей легкостью нрава и неуловимостью движений, своей молодостью, навечно застывшей на его челе, и ещё — мне было с ним легко. Да и пауза в общении с Борисом была более чем кстати, а то я уже и не знала, к чему себя готовить

— Что это у тебя? — поинтересовалась я.

— Это тебе подарок от Бориса. Разверни и увидишь.

— А где он сам?

— Он в Кроужече на пару ночей. Чтобы ты не скучала, он прислал тебе это. Могу составить компанию, если пожелаешь.

Я развернула сверток, из которого блеснула стеклом бутылка.

— Алкоголь?! Разве вы пьете алкоголь?

— Почему нет? А уж если его хорошенько смешать с кровью..., — Григориус насмешливо взглянул на меня.

— Ну что ж, тогда составь мне компанию! Выпьем за здоровье дарителя.

— Неси бокалы, — скомандовал Григориус.

Я достала бокалы из небольшого буфета, стоявшего в летнем домике, и поставила на стол перед Григориусом.

— Ты будешь сегодня один? Драгана придет сюда?

— Нет, — Григориус откупорил бутылку и медленно наливал плотную темную жидкость в бокалы.

— Она отправилась в дозор, — внезапно разоткровенничался он.

Я взяла один из бокалов и поднесла его к лицу, понюхав содержимое. Жидкость в бокале была настолько темного бордового цвета, что в сумерках казалась черной. Запах был вязким и терпким. Отсалютовав бокалом Григориусу, я замедлилась, не зная, уместно ли будет произнести тост. Он тоже подхватил бокал рукой и, приподняв его, кивнул мне вполне доброжелательно:

— Да будет ночь удачной!

Он пригубил напиток, и я решила последовать его примеру, сделав небольшой глоток. Это был какой-то невозможный портвейн, пьянящее действие которого удивительным образом сказалось даже от одного небольшого глотка! Воздух как будто зазвенел вокруг меня, а тело охватила сладостная истома. Что было бы, выпей я хотя бы даже полбокала! Ошеломленная,

я отставила бокал на стол. Григориус насмешливо хмыкнул. Но видимо, колдовской напиток произвел своё предательское действие, потому что мне захотелось развязать язык Григориусу и дальше.

– Прости за вопрос, если он покажется тебе неуместным, — начала я. — Но мне хочется узнать кое-что о вампирах, что принято среди вас...

– Хорошо, спрашивай, — Григориус продолжал смаковать вино.

– Укус вампира — это всегда смертельно, или нет?

Григориус усмехнулся, теперь он выглядел мрачным:

– Если он не собирается выпить всю кровь за один раз, то нет, никакой опасности не будет.

– А как часто вам нужно пить кровь, каждый день?...

Я выдавливала из себя вопросы, искоса глядя на Григориуса. Бодрящее действие глотка портвейна заканчивалось.

– Зависит от расхода энергии. Может хватить одного раза питания на неделю, а если ты в активном рейде — то раз в два-три дня.

Я снова хлебнула пьянящей жидкости, которая горячим током пронеслась по венам, и решительно продолжила:

– Я видела много фильмов про вампиров, может быть, и ты тоже их видел, и, думаю, там много вранья показано, но некоторые вещи... насколько они далеки от действительности? Например, правда ли, что во время секса с людьми вампир обязательно кусает своего партнёра и пьёт его кровь?

– Меня-то ты зачем спрашиваешь? — теперь Григориус выглядел удивлённым.

– Ну, ты же вампир!

– А разве у вас с Борисом ещё не было секса?! — Григориус был буквально потрясён своим открытием. Я кивнула в ответ, я даже не думала, что вампир может быть так возбуждён.

– До сих пор?!!

– Это так необычно?

– Это так не бывает, — к Григориусу возвращалось спокойствие. — Он сделал бы это в вашу первую встречу. ...Но, может быть, ты просто ему не по вкусу.

– Так ты ответишь на мой вопрос? — я уже жалела, что подняла эту тему.

– Да, конечно, кусают, не сомневайся! Как можно удержаться от укуса за таким занятием: тут и наслаждение, и лакомство, — два в одном! Но тебе, по-видимому, пока не стоит бояться. Разве что ты займешься этим со мной! — он откровенно смеялся надо мной.

– Боюсь, что это не понравится Драгане!

– Она не ревнует к смертным! Если я тебе нравлюсь, я могу тебя дать урок вампирского секса.

(А не за этим ли он бутылочку и принёс? — закралась мне в голову подозрительная мысль).

– Тогда боюсь, что это не понравится Борису.

– Ну, что ж, это может быть, — протянул Григориус. — Может, у него пока не было времени заняться тобой по-серьёзному. Но, поверь, зачем ещё иметь дело с человеческой женщиной, если не иметь её? И когда это состоится, — усмехнулся он. — Будь уверена, он попробует оба твоих сока.

Заурядностью наша беседа явно не отличалась. В смятении от разговора я сделала ещё несколько глотков и порывисто встала. Казалось, наша беседа завела нас слишком далеко. Вино подействовало теперь по-другому, я почувствовала крайнюю слабость и оцепенение, при этом тело моё было горячо и в руках покалывало. Я покачнулась и чуть не потеряла равновесие, однако Григориус уже подхватил меня:

— Будь осторожна, Марианн, я здесь... с тобой... — он поддерживал моё размякшее тело. — Твой запах, Марианн, он восхитителен...

Он прижался щекой к моей голове и ноздри его трепетали, холодные сильные руки стальной хваткой удерживали меня вертикально. Похоже, ему тоже снесло голову это проклятое вино!

Это безумие продолжалось несколько секунд, и вдруг так же внезапно прекратилось. Григориус спокойно отстранился от меня, прислонив к двери домика, и через секунду уже также бесстрастно сидел на своем прежнем месте.

— Тебе стоит пойти спать, — спокойно сказал он. — И спрячь бутылку. Она тебе ещё пригодится.

Глава 9. Тринадцатая луна

Июль протекал как-то даже слишком спокойно. Никто больше не докучал мне ни наставлениями, ни неожиданными визитами. Я посвятила всё свое свободное время дому и саду, в которых всегда найдется, что делать. За время дождей многие растения пошли в бурный рост и незаметно превратились в заросли. Мне с моими скромными силами было непросто одолеть их с секатором и ножом в руках. Траву в очередной раз выкосил сосед, у которого была бензокосилка. Мне она была ни к чему: для того, чтобы держать эту тяжеленную конструкцию на палке перед собой и методично выкашивать, нужна была сила, мускулы, чего у меня, к сожалению, не было.

Попросить Григориуса скосить всё к чёртовой матери ночью было бы забавным, вот только мне казалось, что он эту затею не одобрит: работать вампиру на человека?! Прежний тон в отношениях с ним быстро вернулся, и мы не вспоминали тот разговор и всё остальное, на что подтолкнуло нас колдовское вино. С человеком, определённо, было бы труднее вырулить из возникшей тогда ситуации. А Григориус уже на следующий вечер появился в привычном приветливо-безразличном настроении, и мы скоротали сумерки за милой беседой ни о чём. Борис появился дней через пять с непроницаемым выражением лица, и вёл себя так, точно у нас ничего не случилось неделей раньше.

Григориус и Драгана иногда появлялись вместе ещё до настоящих сумерек, дожидались Бориса и потом незаметно исчезали. Их появление я научилась предчувствовать, правда, всего за пару секунд. Я впервые заметила это явление, когда в момент их прихода была в саду. И сегодня с той стороны, откуда они через мгновение возникли, вдруг странным образом сгустился воздух и слегка завибрировал. Я вздрогнула и уставилась на небольшую полянку между молодых яблонь, где в ту же секунду воздух потерял прозрачность, и в медленной вибрации возникли движущиеся фигуры, плавно и ужасающе быстро скользящие в мою сторону. Через мгновение они оба уже стояли передо мной. А точнее, перед кустом ежевики, в котором я в тот момент находилась, обрезаю слишком длинные ветки. К моему занятию они отнеслись вполне безразлично. Я собралась уже вылезать из куста, но тут из моей руки выскользнул секатор.

Я чертыхнулась и попыталась изогнуться максимально точно, чтобы дотянуться до секатора, завалившегося под пенёк, и не повиснуть на охрененно острых и коварных шипах ежевики. К моей досаде, кроме шипастых веток там имелась ещё и крапива. Не успела я закончить своё ругательство, как Григориус ринулся ко мне в ежевику, и я только охнула, в страхе за его тончайшую чёрную рубаху и кожу, потому что он буквально нырнул в сплетение веток. Через секунду он уже стоял рядом со мной, абсолютно невредимый, шипы не оставили и следа на его руках и лице, а проделай всё то же самое я — моя кожа сейчас висела бы клочьями! Я завистливо простонала что-то вроде:

— Ну, ты даёшь!..

— Не иначе, ты хочешь истечь здесь кровью! — заметил Григориус, беря меня за руку и волшебным образом выволакивая из колючек.

— Свежерасцарапанная плоть не слишком возбуждает, — холодно заметила Драгана.

— Это на женский взгляд, — парировал Григориус. — Но раз мы — твоя охрана, мы отвечаем и за целостность кожи.

— Как это лестно, — пробормотала я. — Знать бы — от кого вы меня охраняете!

— А если не от кого, а для кого? — вскинула на меня взгляд Драгана. В её голосе слышалось неудовольствие, причину которого мне понять было трудно. Впрочем, Драгана частенько выглядела недовольной, это для неё было обычным делом.

Пока мы с моей скоростью спустились из сада во двор, появился и Борис. Вопреки обычаю, молодые вампиры не удалились с дежурства, а продолжали оставаться во дворе. Я заинтересовалась, видимо были какие-то неизвестные мне причины, чтобы мы в таком составе заседали у меня под навесом. В последние наши встречи с Борисом мы говорили на отвлечённые темы, или он осторожно спрашивал о моём прошлом. Я старалась без эмоций и лишних подробностей повествовать о своём жизненном пути. Наши прогулки также сократились до минимума. Сегодняшний поворот событий меня заинтриговал.

Борис словно почувствовал мой немой вопрос и явно собирался познакомить меня с какой-то адаптированной для меня версией происходящего.

— Ты знаешь, Марьяна, — начал он. — Что в этой местности теперь находится некоторое количество вампиров, которое до последнего времени точно не было известно. Многие из них принадлежат другим кланам. И эти кланы... враждебны нашему. Ну и в некоторых случаях — друг другу. Мы здесь для того, чтобы выяснить, кто претендует на эти места, и, возможно, сгладить конфликтную ситуацию.

— И вы выяснили, сколько их? — не удержалась я.

— Да, но это даже не самое главное. Серьёзнее — это их намерения.

— Ну, так, сколько их, и каковы их намерения?

— Вампиров вообще не так уж много. Особенно в сравнении с людьми. Но мощь каждой особи и наши возможности компенсируют этот несоизмеримый численный перевес. Поэтому, даже пяти вампиров для этих мест было бы очень много, а сейчас их здесь двадцать.

Я молчала потрясённая.

— Теперь об их намерениях, — продолжил он. — Каждый из кланов хочет закрепиться здесь, кланы выдвинули свои аванпосты...

— Подожди, — не выдержала я. — Так много вампиров прибыло именно сюда — почему? Здесь не «горячая точка», где насилие происходит каждый день, и убийствами и исчезновениями людей никого не удивишь, что притягивает вампиров сюда? И вас в том числе!

— Мы здесь с предупредительными целями. Наш клан хочет предотвратить столкновения и междоусобную войну. Мы — разведка.

— Ваш клан — он где вообще находится?

— В Штатах..

— Ага! Забавно! Дядя Сэм тянет руки за океан даже с помощью вампиров!

— Дядя? ...Нет, — возразил Борис. — Кланов могут определяться территориально, но к государствам на этих территориях вампиры не имеют отношения. Не забывай, мы скрываем своё существование тысячелетия, как мы можем оказаться под чьей-то юрисдикцией, если нас тут же объявят вне закона? Я вхожу в клан Северных штатов, но сам я, например, из Шотландии. И это тоже ровным счётом не имеет никакого значения.

— Ну, допустим, а что за ковены здесь присутствуют?

— Не «ковен», — Борис поморщился, не оценив моей подкованности в вампирской социологии. — Ковеном можно назвать семью вампиров. Это само по себе редкость. Но зато вампиры ковена чрезвычайно сплочены. Чаше встречается «гнездо» — совместное проживание вампиров на какое-то время. Из-за интенсивных и близких контактов внутри гнезда вампиры становятся сверхимпульсивными. Это может быть крайне опасно и деструктивно для них

самых и других вампиров. Я же говорил о кланах — условных объединениях, которые преследуют общие интересы вампиров, пребывающих или кочующих на одной территории.

— Судя по всему, на весьма обширных территориях.

— Да, здесь присутствуют разведчики клана вампиров Восточной Европы, аппенинского сообщества, кое-кто из кланов Прибалтики, Китая и есть ещё «кочевники».

— Монголо-татары?

— Нет, в смысле, не ассоциированные ни с одним из кланов, свободно меняющие своё местопребывание. Они могут быть самыми проблемными, если с ними договариваться.

— Для людей, я думаю, они все в одинаковой мере опасны.

— Это ещё не всё. Большое стечение вампиров в одном месте это плохо и для вампиров, и для людей. Но есть ещё одно обстоятельство, которое усугубляет наше положение. Этот год — год тринадцати лун. Тринадцатое полнолуние состоится буквально на днях, в конце июля.

— В смысле, 13-е? — я никогда не была сильна в астрономии.

— Из-за того, что между двумя полнолуниями проходит не ровно 30 дней, а 29 целых и 53 сотых дня, за 2,715 лет в календаре «набирается» лишнее полнолуние, то есть в три года раз можно наблюдать 13, а не 12 полных лун. В полнолуние любая тёмная энергия возрастает, а эффект тринадцатой полной луны — это ещё большее усиление способностей вампиров. Импульсы, которые движут вампирами, получают дополнительную подпитку от «лишнего» полнолуния. Да и новолуние грозит серьёзным энергетическим провалом. Для вампира это всегда риск срыва, обнаружения себя. Он демонстративно может напасть на людей, не взирая на запреты и последствия. А когда на одной территории могут сталкиваться вампиры из разных мест и кланов, это грозит хаосом.

— Но вы с Саввой вчетвером — уже гнездо?

— Не вполне. Мы не проводим много времени вместе, не питаемся и не совокупляемся, мы рассредоточены. Скорее, мы отряд, у которого есть определённая цель.

— Извини, но я так и не уяснила, какая?

— В общих чертах я рассказал. Пока это всё, что тебе стоит знать.

— Ну что ж, спасибо за откровенность. Но раз всё так опасно и неопределённо, нам надо держаться тише воды — ниже травы и лишней раз не высываться?

— Почему же. Мы обязательно совершим прогулку. Посетим одно место. Григориус отправится на нашу стоянку в лесу, а Драгана останется наблюдать здесь. Поехали!

Борис стремительно поднялся, вслед за ним со своего места поднялась и я. Григориус исчез раньше. Я двинулась за вампиром; по правде говоря, я не до конца поверила в услышанное. Слишком мало это вязалось с привычной действительностью. Может, он хотел впечатлить меня, нагнать страху?

Когда мы вышли из сада на темнеющее пространство выгона, нас уже ждала машина с Григориусом за рулём.

Через полчаса мы уже подъезжали к лесу, но вместо того, чтобы выйти из машины и внедриться в него, мы поехали в объезд вдоль кромки леса. В одном из наиболее буреломных мест Григориус остановился, покинул машину и исчез в чаще. Борис занял водительское место и свернул в сторону от леса к небольшой рощице, темнеющей в полукилометре. Когда мы подъехали поближе к ней, я увидела небольшой деревянный дом с пристройками, что-то типа кордона, так я решила. Вопреки моему ожиданию, там кто-то был. Когда мы зашли в дом, навстречу нам с широкого топчана, застеленного рогожкой, поднялся молодой темноволосый мужчина привлекательной наружности, мало похожий на лесника. Внутри только и находилось, что этот топчан, деревянные стол и две табуретки. Кажется ещё сундук. Судя по кружке с чаем и тарелке с недоеденным бутербродом с маслом это был скорее человек, а не вампир.

— Приветствую, Дэн, как дела? Это моя спутница — Марьяна, — Борис по-свойски вёл себя, сел на табурет и жестом пригласил сесть и меня.

Молодой человек с усмешкой взглянул на меня и молча кивнул в знак приветствия.

– Налить тебе чаю? — только и спросил он.

– Да, пожалуй, — я присела на второй табурет и осторожно огляделась.

– Григориус зайдет к тебе позже, — сказал Борис.

Молодой человек опять кивнул, поставил вторую кружку и плеснул туда уже заваренного чая из металлического закопченного чайника. Ставя кружку передо мной, он встретился глазами с Борисом, и в его лице что-то дрогнуло. Он понимающе посмотрел на него в ответ, потом взял с топчана куртку и быстро вышел прочь. Я внутренне напряглась. Кажется, я начала догадываться о цели нашего визита в столь отдалённую избушку. Вот только стояла ли игра свеч? И зачем посвящать в эти отношения ещё непонятно кого?

Рассеивая мои сомнения, Борис поднялся с места и решительным движением поднял меня. Как там говорил Григориус: «Он сделал бы это в первую встречу»? Видимо, момент настал. И я в душе смирилась с тем, что неизбежно должно было произойти. Я была рада, что это происходит неизвестно где, а не у меня в саду или дома. Какой-то не переиденный рубеж для меня ещё оставался.

Пока эти мысли вихрем проносились в моей голове, Борис сорвал с меня блузку и приник холодными губами к моему рту, обжигая ледяным касанием. Каюсь, я вела себя пассивно, собирая все свои душевные силы для того, чтобы пережить этот акт вампирской любви и надеясь на его скоротечность. Из-за моей пассивности он сам молниеносно расстегнул свои штаны и вышагнул из них. В одно мгновение он освободил и меня от остальной одежды, и пока я расставалась с сомнениями, опустил спиной на топчан. Какую-то секунду он завис надо мной, и вот я уже ощутила ледяную непомерную тяжесть его тела, я едва могла дышать, придавленная его весом и ощущая камень его мышц. Пока я ощущала только холод и тяжесть, но как ни удивительно, в глубине уже шевельнулось извращённое желание впустить его в себя, испытать, каково это, когда тобой владеет такой мощный вампир! И тут он словно услышал мои мысли, одним резким толчком войдя в меня и припечатав спиной к импровизированной чужой постели. Боль и удовлетворение — это всё, что я почувствовала, скорее это было даже удовлетворение морального, а не физического свойства. Акт обладания был обоюдным. Однако, для Бориса это было только началом, прелюдией к тому каскаду соитий, которые в бешеном темпе последовали за первым «ознакомительным» проникновением. Он терзал мое естество, пока моя чувствительность не пережила грандиозные изменения, и уж конечно я не могла представить, что способна на подобную выносливость. Лишь когда я почувствовала, что горю, и он тоже, видимо, ощутил серьёзное изменение моей температуры, он остановился. Прервал ли он свой оргазм, сказать было трудно, казалось, он находился в оргазме всё это время.

Мы оделись: я — вяло, он — с головокружительной быстротой, и покинули избушку, слава богу, не дожидаясь возвращения хозяина. Через сад до дома он донёс меня на руках. Мне было уже всё равно, как поскорее добраться до дома — жар снедал меня. Я услышала шепот у своего лица: «Спасибо...» Это всё, что было сказано Борисом за эту ночь. Ах, нет, ещё он добавил: «Выпей вина», — и оставил меня.

Моё тело продолжало полыхать невыносимым жаром, от которого начинала противно кружиться голова. Краем сознания я подумала, что правильнее будет выпить аспирина, но не предприняла никакой попытки к поиску лекарства. Вместо этого я нетвердой походкой направилась к летнему домику, словно продолжала находиться под властью воли вампира. Тринадцатая луна нетрезво подрагивала на ночном небосклоне в такт моим шагам. Я отыскала бутылку, вытащила пробку и на секунду задумавшись, сделала пару глотков, которые маслянисто скатились по пересохшей гортани. Зажмурившись, я ждала очередной волны обжигающего жара, но произошло всё наоборот, внутренний жар потух, я ощутила прохладу ночного воздуха и

облегчённо вздохнула. И в душе шевельнулось что-то вроде признательности Борису, который позаботился о моём состоянии. И на том спасибо.

Только на утро до моего сознания дошло, что укуса не было!

Глава 10. На полпути туда, откуда нет возврата

POV Автор

Наутро Марьяна уважительно взглянула на стоящую у изголовья бутылку с вампирским напитком. Похоже, это вино обладало, как способностью возбуждать, так и исцелять от последствий возбуждения. И какого возбуждения! Марьяна стыдливо поджала губы. Вчерашние любовные утехы с Борисом смущали её. Это было необычно для её поведения — заниматься сексом с мужчиной, в которого она на этот момент не была влюблена. Но в то же время о случившемся она вспоминала спокойно. Ей не хотелось продолжения, но она отдавала себе отчёт и в том, что, возможно, ей придется и дальше заниматься сексом с Борисом. Жизненный опыт подсказывал, что это не самый плохой вариант отношений: Борис был предупредителен, заботлив, пока не обнаруживал намерений вмешиваться в её дела, он был могущественен — то есть сильнее окружающих людей, поэтому от него можно было ожидать серьёзной защиты. Было приятно осознавать, что мужчина с подобными качествами предпочитает её общество. Что же до того, что он вампир, Марьяна помнила из своего немалого опыта, что многие мужчины прекрасно могут пить кровь и не будучи вампирами. Вот сможет ли она выдержать сексуальные аппетиты Бориса? Что ж, это покажет время. Она вздохнула и прикрыла глаза: было одновременно жутко и захватывающе. Взглянув на утреннее небо, она заметила прозрачный диск луны, продолжающий свой путь по дневному небосклону, и вздохнула ещё раз.

К полудню стало ясно, что сегодня она не успеет справиться со всеми делами по дому и саду. Всё валилось из рук. Любая работа шла с трудом и сопровождалась мелкими бытовыми травмами: когда подогревала молоко для кофе — обожгла руку, вытирала пыль в комнате — ударилась головой о полку, вырезала сухие кусты малины — ободрала руки и влезла в крапиву. В довершении Марьяна услышала грохот во дворе — это соседский кот забрался на стол и, спрыгивая, опрокинул кастрюлю с супом. Похоже, демон разрушения облюбывал этот дом. Или это была расплата за совершённые поступки. Марьяна вспомнила про тринадцатую луну: это ещё только начало — до новолуния было больше недели.

Когда она была в саду, выстраивая в уме график садово-огородных работ, её внимание привлекли крики соседки.

— Марьяна, Марьяна! — кричала она, — Да где же ты?! Там у тебя по двору ктой-то ходит!

Скрывая удивление, Марьяна отбросила в сторону рабочие перчатки и поспешила во двор, гадая, кем мог быть этот неожиданный посетитель. Еще только глянув через дворовую калитку на коротко стриженный русый затылок, она поняла, что это опять тот самый дознаватель, хоть и видела его один раз и ночью. На этот раз он пожаловал в дневное время. Подготовленная утренними неприятностями Марьяна зашла во двор в мрачном расположении духа: её не оставляло нехорошее предчувствие.

Не надо гневить Богов! Встреча оказалось вовсе не такой неприятной, как она того ожидала. Хотя капитан Копосов не был расположен к этой предположительной свидетельнице, он не был настолько невоспитан, чтобы открыто демонстрировать свою неприязнь. Он решил подойти к делу конструктивно, пообщаться с этой особой, уяснить что к чему. Он уже собрал кое-какую информацию, и она могла бы сильно помочь ему в том конкретном деле, по поводу которого он уже пытался однажды её опросить, а также кое в чём ещё, в тех некоторых странностях, которые происходили в районе этим летом. А ведь и она здесь, так сказать, нарисовалась тоже именно этим летом.

Егор Копосов ещё раз принёс извинения за свой прошлый ночной визит и принялся болтать с Марьяной о Бон Темпс, чтобы узнать её мнение как местного жителя и одновременно,

как человека со стороны — ведь она раньше не постоянно жила в Бон Темпс. Именно это отличало точку зрения Марьяны от остальных жителей. Конечно, его в первую очередь интересовали вопросы порядка, но трудно было ожидать, что Марьяна так вот запросто передаст ему всю информацию, известную каждому совершеннолетнему, проживающему в Бон Темпс хоть постоянно, хоть временно: кто варит самогон на продажу, а кто просто разводит фальшивый спирт, где по ночам шумно развлекается молодежь Бон Темпс и как здесь обстоит дело с ездой в нетрезвом состоянии. Однако обо всём этом можно было поговорить в общих чертах, как о знакомых социальных проблемах, которые есть почти везде. Но даже такой беседы хватало Копосову. Он составлял психологический портрет своей собеседницы, отмечая для себя её недюжинную способность прикидываться простоватой, непосвященной и безобидной. Теперь он железно был убежден в обратном. Рассказы некоторых соседей о том, что она часто отсутствует по ночам и встречается с разными никому не известными личностями, наводили на разнообразные версии. А непринужденность, с которой подозреваемая вела беседу, заставляла угадывать в ней чуть ли непрофессиональную мошенницу.

В последнем его убедила реакция собеседницы, когда после лёгкого сетования на оторванность Бон Темпс от центров с бурной культурной жизнью, он прямо спросил её:

— Скажите, с кем вы здесь постоянно общаетесь, кроме родственников? Вы же завели новые знакомства за последнее время?

Собеседница резко замолчала и встретилась взглядом с Копосовым. Оживленность слетела с неё. И Копосов готов был поклясться, что в этот момент в её глазах мелькнул страх. Как будто кто-то зажег сигнал: «Опасность!». Она напряглась и резко ответила:

— Вы моё новое знакомство, гражданин капитан. Больше пока не успела. Родственников вообще-то хватает, — она усмехнулась.

Копосов возненавидел её в этот момент совершенно искренне, как всех, кто катится по наклонной дорожке лжи и содействия злу, пусть даже если сам не совершает никаких злодеяний. Она теперь в его чёрном списке подозрительных и ненадёжных личностей совершенно обоснованно. Он собрался уходить, поблагодарив Марьяну за гостеприимство, старательно скрывая досаду.

Марьяна радовалась вполне искренне, и тому, что он уходит, и тому, что в этот раз не заставил ему врать про пропавшего пассажира. Капитан уехал, и она вернулась к своим делам.

На этом визите, вроде бы, все сегодняшние неприятности Марьяны кончились. Покосившись на небо и не увидев на нем бледного дневного лика луны, Марьяна окончательно отбросила свои страхи. Телевизор сообщил об установившейся сухой погоде, электронная почта принесла несколько дежурных писем — рассылок с порталов. День клонился к вечеру, и надо было ожидать тех самых знакомых, которых она к удаче или к несчастью «завела за последнее время».

Первым явился Григориус. Он настолько привык к присутствию Марьяны, что даже позволил себе поворчать на невыносимый нрав Саввы, с которым у него сегодня произошла стычка из-за машины. Как поняла Марьяна, Савве никто не компенсировал за потраченный бензин, и когда ему срочно надо было отбыть в некое место, бензобак и кошелек оказались пустыми. Обвинив в халатности Григориуса, Савва отбыл на своих двоих решать проблемы, а тот в испорченном настроении направился к Марьяне. Ей эта история показалась занятой. Финансовые вопросы в вампирской среде её давно интересовали. Будет ли она шокирована, узнав их источники пополнения финансов? Как далеко зайдет её лояльность, если способы экономической жизни вампиров окажутся абсолютно неприемлемыми с общечеловеческих позиций?

Григориус тем временем внимательно взглянул на Марьяну и проконстатировал:

— Я вижу, обошлось без укуса.

— Это так разочаровывает тебя?

– Признаться, да, я немного разочарован в Борисе. Это против правил и обычаев. Вампиры, как и люди, любят следовать правилам и обычаям. Если что-то происходит не так, как мы ждали, это настораживает.

– Разве это такой большой грех? Кому из вампиров есть дело до личной жизни другого вампира? Вы уж должны быть свободны от всех условностей.

– Вот тут ты ошибаешься, # Григориус строго взглянул на Марьяну, — Соблюдение тайны существования # это главный принцип. Обычный человек, не связанный кровью с вампиром, не должен знать о нас ничего. Его судьба будет предрешена контактом с нами. А ты..

Он замолчал внезапно. Марьяна уже хотела поинтересоваться причиной такой паузы, как вдруг в этот момент у Григориуса зазвонил мобильный телефон.

Он быстро включил его и, прослушав пару секунд, с серьёзным видом посмотрел на Марьяну и отрывисто бросил:

– Нас срочно ждут в одном месте.

– Э-ээ, — неожиданный поворот.

Он вскочил и, схватив её за руку, потащил к саду. Марьяна попробовала вырваться из цепкой хватки Григориуса, но это было невозможно:

– Подожди! Мне надо дверь закрыть!

Тот остановился и нехотя отпустил её руку:

– Быстрей! Это в твоих же интересах!

Метнувшись стрелой по двору, Марьяна трясущимися от волнения руками закрыла дверь на ключ и прихватила со скамейки старую куртку. «Будет хотя бы ключ куда положить», — подумала она.

И вот они уже мчались по саду, за которым их ожидала машина. Драгана сидела за рулём, больше в машине не было никого. Они быстро сели в машину и, лихо тронувшись с места, на большой скорости понеслись в сторону леса.

Объехав лес не с правой, как обычно, а с левой стороны, они въехали на лесную дорогу, которая когда-то также пересекала его, но уже через километра два перестала быть проходима для четырехколёсного транспорта. Марьяна понимала, что так далеко они заезжают в лес на авто исключительно из-за неё, потому что сама она слишком медленно передвигается. Теперь же им приходилось перемещаться пешком. Она едва поспевала за вампирами, пару раз Григориус взваливал её на себя и огромным прыжком преодолевал непроходимые для человека буреломы и ложбины. Она уже измучилась нестись по заросшему лесу непонятно для чего. Куртка отчасти спасала от колючих веток и пауков, как хорошо, что она её захватила, — порадовалась Марьяна.

В тот момент, когда она в отчаянии подумала о предстоящем обратном пути по такому лесному бездорожью, как их отряд остановился. Они оказались на относительно свободном месте, которое трудно было даже назвать поляной, так, небольшая прогалина. В сумраке вечернего леса на ней легко можно было различить несколько фигур, словно застывших на фоне деревьев. Это были мужчины. Один из них на четвереньках застыл над телом, неподвижно лежащим ничком на земле. С появлением Марьяны и её спутников стоящие на «поляне» повернули лица к ним, в том числе и тот, кто пребывал на четвереньках. Это жуткое зрелище привело Марьяну в ступор. Но она всё же взглянула на лежащего, светлый коротко стриженный затылок которого показался её странно знакомым. Она подалась вперед и в ужас уставилась на лежащего человека. Тут она узнала его, ведь она видела его совсем недавно, еще сегодня днём! Это был капитан Копосов! Бывшие на поляне зарычали в сторону только что прибывших. Марьяна судорожно сглотнула — это были вампиры! И их было штук семь.

Несмотря на чудовищность и драматичность ситуации, Марьяна не удержалась от вскрика:

– Боже! Что здесь происходит? Что случилось?

Один из вампиров, огненно рыжий, подскочил к Григориусу и угрожающе, как показалось Марьяне, что-то ему зашипел. Григориус немного выгнулся под таким напором, но не поменял диспозиции. Драгана не шелохнулась. Стоящий на четвереньках вампир оскалился, но в одно мгновение принял вертикальное положение. Глаза его были красного цвета. Все уставились на Марьяну.

— Что с ним случилось? Я его знаю! Это полицейский из Ла Перлы! Почему он здесь? — Марьяна не выдержала и бросилась к телу, падая перед ним на колени и, содрогаясь от ужаса, трогая рукой его шею. Шея оказалась тёплой.

— Он жив! — воскликнула она.

— Пока, — сказал кто-то.

— Он шпионил за тобой и за нами, — сказал вдруг кто-то за спиной Марьяны. Она оглянулась. Это был Савва, мрачно наблюдавший за её действиями.

— Эти вампиры считают, что оказали нам услугу, выследив и похитив его.

— О, Боже, — только и выдохнула Марьяна, — Он только пытается найти одного пропавшего человека! Ему до вас и дела нет!

— Нет, — встрял рыжий со скрипучим голосом, — Он видел нас и был в доме вашего Босса. Мы его взяли и он наш! — говорил он с отчётливым иностранным акцентом.

— Умоляю! Он не знает ничего, отпустите! Зачаруйте его, ведь вы же, вроде бы можете зачаровывать! Заставить забыть!

— Так это ты и есть?! — полуспросил — полупроконстатировал рыжий, кивнув в сторону Марьяны, — Кто ты? Почему ты с ними?

— Она — женщина Бориса, — проскрипел безрадостным голосом Савва, — Если вы его выпьете, у неё будут неприятности. К ней придёт ещё больше полиции, потому что вы поймали его после того, как он был в её доме.

— Матс, ты слышал, это и, правда, баба Бориса, — рыжий обратился к возвышавшемуся поодаль светловолосому силачу с блеклыми пронзительными глазами. — И у неё будут неприятности. А кого это волнует?

— Наверное, это взволнует тебя, если сюда в лес явится куча спецназовцев, — это Драгана подала голос. — Вы крутые — их всех положите и высосете, но какая уже тогда, к чёрту, тайна существования?! Высшие Власти будут в восторге!

— [...] мне на Высшие Власти, — продолжал бурчать рыжий.

Матс хрипел что-то рядом стоящему вампиру с капюшоном на голове. Трое других вампиров подскочили к рыжему и что-то стали обсуждать, приглушённо шипя. Григориус приблизился к Драгане. Савва занимал промежуточную позицию между ними и распростёртым телом, над которым Марьяна продолжала стоять на коленках, чувствуя, как нестерпимо уже впиваются в них камешки и сучки.

Совещание вампиров опять как-то неожиданно кончилось, они как бы рассыпались по прогалине, кое-кто сразу скрылся из вида. Остались только Матс и Рыжий.

— Ладно, — Рыжий взглянул на Марьяну и на Савву. — Забирайте это добро. Подчистите всё как надо. Второй раз мы сожрём его без прелюдий. И с бабой своей разберитесь, — он мрачно посмотрел на Марьяну и втянул носом воздух.

В этот момент он был похож на зверя, взявшего след жертвы. Издав непонятный звук в сторону Матса, он развернулся, и в одно мгновение они исчезли с прогалины.

Марьяна почти упала на Копосова, слабо соображая, что происходит. Её мозг отказывался воспринимать происходящее: вот сейчас здесь была куча вампиров, которые были злы на неё и которые могли разорвать её в одну секунду! Как она позволила себя втянуть во всё это безумие! Страх и раскаяние на какое-то время почти лишили её возможности соображать. Но вампиры не собирались ждать, когда она обретет присутствие духа. Савва подошел к не подающему признаков жизни Копосову и взвалил его на себя. Марьяна только сейчас сообра-

зила, что несчастного капитана ещё надо как-то выволить из леса, и никто кроме вампиров лучше с этим не справится. Это соображение было настолько позитивным, что она неожиданно резво вскочила на ноги и последовала за Драганой и Григориусом, прокладывающим дорогу в обратный путь.

Из-за её медлительности Савве ещё пришлось поторчать у машины в ожидании подхода всех остальных. Копосов уже к тому времени лежал на заднем сидении. Туда втиснулись Марьяна и Драгана. Он был жив, и это обстоятельство больше всего радовало Марьяну. Она старалась не вспоминать о сцене в лесу, но лица её недавних участников невольно всплывали перед мысленным взором.

Они доехали до того места на шоссе, где была брошена машина Копосова. Его извлекли из машины и перенесли на переднее сидение его автомобиля. Марьяна оставалась в салоне, откуда слышала пару звуков, напомнивших звук удара по металлу: Савва и Григориус имитировали аварию. Как они собирались стирать ему память — она не поинтересовалась. Похоже, она становится нелюбопытной.

— Вечер прошёл успешно! — подвёл итог Григориус, вернувшись в машину. — Вот ты и познакомилась с балтийским кланом! А они с тобой! — добавил он.

Глава 11. Взаперти

POV Марьяна

В тот день дела заставили меня отправиться в Ла Перлу с самого утра. Где-то к одиннадцати часам я в общих чертах освободилась и отправилась на рынок, где уже всю торговали южными дынями и арбузами, в навал лежащими в кузовах грузовых машин. Народу по рынку бродило не очень много, покупатели были вялыми, торговцы выжидательно оценивали всякого, кто приближался к их товару. Я выбрала несколько баклажан, сдержанно отказавшись от навязчивого предложения купить впридачу огромную дыню, расплатилась и вышла с рынка к автобусной остановке. Поскольку шумом рынок в это утро не отличался, выходя из ворот рынка, я слышала приглушенное торопливое шептание где-то за спиной:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.